

*Галина
Гончарова*

1

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Средневековая история

16+

Галина Гончарова
Средневековая
история. Первые уроки
Серия «Средневековая
история», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64371516
SelfPub; 2021*

Аннотация

Попасть в другой мир? Очень даже просто. Если ты правильный попаданец – тебе будет счастье с первого момента. Магические способности, верные друзья, принц с претензией на загс и даже – если автор расщедрился – новое шикарное тело. Это правильно. А вот если тебе всего двадцать лет? Ты медик. И знаешь только медицину. Ну и так, всякие женские мелочи... Ни энциклопедических знаний, ни всяких бонусов – тело и то не свое. А жить-то надо! Жить-то хочется... А вокруг – Средние века, и место женщины в них за плинтусом. Или смотря какая женщина?

Содержание

Прелюдия 1	5
Прелюдия 2	8
Глава 1	12
Глава 2	54
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Галина Гончарова

Средневековая история. Первые уроки

*В один ненастный день, в тоске нечеловечьей,
Не вынося тягот, под скрежет якорей,
Мы всходим на корабль, и происходит встреча
Безмерности мечты с предельностью морей...
О, странная игра с подвижною мишенью!
Не будучи нигде, цель может быть – везде.
Игра, где человек охотится за тенью,
За призраком ладьи на призрачной воде...
Ш. Бодлер. Плавание*

Прелюдия 1

Что такое счастье?

Вот Аля знала точно, что это такое. Это когда ты едешь домой. В любимый военный городок. Кому-то этого было мало, ей – нет. Аля, а точнее Алевтина, была девушкой из самой обыкновенной семьи. Отец – военный. Мать – фельдшер. Познакомились они двадцать пять лет назад на студенческой вечеринке и с тех пор не расставались. Помотались по гарнизонам, родили Алю и в конце концов осели в городке Н-ске, куда Алиного отца направили на службу. Родина сказала служить, и он стал служить. В чине полковника. И начальника гарнизона. Выслужил. Академия Генштаба ему, наверное, уже не светила, но Владимир Васильевич туда и не рвался. С его точки зрения, счастье – это когда рядом любимая жена и дочь. И служба. А что еще надо? Есть такое призвание – родину защищать.

Алина мама, Татьяна Викторовна, считала, что тоже счастлива. Любимый и любящий муж, замечательная дочь. Да и профессия медика за столько лет ей не надоела. Любила она свою работу. И дочке привила к ней любовь. Вот Алечка и поехала получать образование в мединститут. Уже пятый год пошел как. Девочка хочет стать хирургом. И специализироваться на полостных операциях. Чтобы жить и работать в военном городке. Конечно, впереди у нее еще год учебы,

потом еще практика, потом... Но целое лето девочка будет дома.

Что еще надо для счастья?

Ей – ничего. Ее мужу – тоже.

Самой Але для полного счастья надо было закончить институт, получить достаточный опыт и уехать работать в родной город. Ей там нравилось. И мало того, там был симпатичный офицер Леша. С которым она хотела бы прожить всю оставшуюся жизнь.

А сейчас она просто стояла на перроне и ждала родителей. Приятно оттягивал руку чемодан с подарками. И не важно, что ради их покупки пришлось подрабатывать уборщицей в магазине. Не бывает недостойной работы. Бывает маленькая зарплата.

В сумке лежала зачетка со сплошными пятерками. А еще Алю недавно допустили до первой в ее жизни операции. Вообще-то не должны были, но пустили, под строгим присмотром хирурга. И операция прошла безупречно. Чем не повод для гордости? Пусть и аппендицит! Но все-таки.

Потом подъехал старый жигуленок, из него выскочили родители, и Аля опять почувствовала то самое ощущение безграничного счастья.

Она жива и здорова. Рядом с ней самые родные и близкие люди. И они тоже живы и здоровы.

Только через пятнадцать минут Владимир Васильевич смог загрузить своих женщин в машину и развернуться по

направлению к дому.

Они были искренне счастливы. Настолько, что боги позавидовали их счастью. И из-за поворота неожиданно вывернулся тяжелый грузовик. Владимир Васильевич отчаянно вывернул руль, уходя от столкновения.

Все было бы прекрасно, если бы на этом месте двумя часами раньше не чинился жигуленок-«шестерка», оставивший на асфальте здоровенную масляную лужу.

Машину занесло.

Завертело.

Перевернуло несколько раз и впечатало в стоящее рядом дерево.

Последней вспышкой яростного отчаяния пронеслось в мозгу Али: «Я умираю?! Не хочу!!!»

Я буду жить!!!

Темнота.

Прелюдия 2

Ночь. Полнолуние. И неожиданно тихий лес, через который пробирается пожилая женщина в грубых деревянных башмаках.

В руке она несет большую корзину. Свет луны пугает ее. Ветви деревьев кажутся лапами чудовищ, а уханье совы наполняет душу почти животным страхом.

Но она знает, куда идет.

И наконец выходит на полянку, в центре которой стоит небольшая хижина. Днем тут, наверное, красиво. Но сейчас луна обливает все мертвенно-бледным светом и превращает ручей в реку мертвых, огородик – в пустынную и почти голую землю, а сама хижина внезапно кажется женщине пастью какого-то хищного зверя.

Но она все равно пойдет туда. Иначе нельзя. И она скребется в дверь хижины.

Проходит несколько минут, прежде чем та отворяется.

Стоящая на пороге старуха выглядит как страшная ведьма из деревенских сказок. Седые волосы растрепаны и распущены по плечам. На подбородке бородавка. Ночная рубашка была когда-то белой, но теперь она вся в пятнах и заплатах. Хотя кто смотрит на рубашку, если в тебя буквально впиваются черные глаза. Яркие, внимательные и удивительно молодые. Такие могли бы принадлежать и восемнадцатилетней

девушке.

– Что тебе надо?

– Это тебе, – протягивает корзину женщина.

– Я спросила, что тебе надо.

Старуха по-прежнему не прикасается к корзине, не двигается с места, только у ее ног невесть откуда появляется здоровущий белый кот. Трется, вьется, глядит красными глазами. И в зыбком неровном свете кажется женщине призраком, пришедшим из ада за ее душой.

Но она не собирается отступить.

– Я хочу, чтобы ты помогла моей госпоже.

– В чем помогла?

– Ты же знаешь, Морага. Госпожа Лилиан уже третий день очень плоха. Родильная горячка сведет ее в могилу. Приходил лекарь, очистил ей кишечник и пустил кровь, но она так и продолжает метаться в лихорадке. Я не хочу, чтобы она умерла.

Старая ведьма пожимает плечами.

– А она? Чего хочет твоя хозяйка?

– Умереть, – опускает глаза женщина. – Я знаю. Но...

Взгляд ведьмы неожиданно смягчается.

– Я все понимаю. Она тебе как родная дочь. Со всеми ее недостатками. Ты ее любишь. Давай сюда корзину. Это мне?

– Да. И еще. – Женщина снимает с пояса кошелек. Там что-то позванивает. – Это тоже...

– Хорошо.

Ведьма даже не думает рассматривать свой гонорар. Вместо этого она приподнимает лицо женщины за подбородок и внимательно глядит ей в глаза.

– Я дам тебе средство. Сильное. Ты разведешь его в молоко и дашь ей выпить. А потом сядешь у ее кровати и будешь звать. По имени. Или как звала ее в детстве. Говори с ней. Хоть о чем, но говори. Если она захочет, она вернется.

– А если нет?

Ведьма чуть улыбается краешком губ.

– Мое средство способно вернуть в тело душу. Только вот если душа сама не пожелает остаться, тут уж все бесполезно. Понимаешь?

Женщина кивает.

– Все будет зависеть от тебя. Сумеешь ее дозваться – вернется. Нет – уйдет навсегда. И никто не поможет.

Женщина кивает головой:

– Я согласна.

– Тогда жди. Я сейчас достану лекарство.

Ведьма скрывается в хижине. Женщина остается на крыльце. Ей по-прежнему страшно. И так же жутко шумит лес. И так же пляшут на ветру ветви деревьев и тянутся, тянутся к ней когтистые лапы.

Но она дождется. Возьмет лекарство и пойдет обратно.

А дома сделает все, что сказала ведьма. Потому что не хочет потерять свою девочку. Она очень-очень ее позовет. И Лилиан, Лилечка, Аленька обязательно вернется. Должна

вернуться к ней. К своей старой нянюшке. Непременно вернется...

Глава 1

«Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случалось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?»

Никто не знает, что происходит там, за гранью смерти. Никто и никогда этого не узнает.

Но есть старая, очень старая легенда. И она гласит, что тело конечно, а душа вечна. Если погибает тело, душа отправляется на новый виток перерождения, чтобы спустя некоторое время снова появиться на земле.

Кое-кто считает также, что число миров бесконечно, и, побывав в одном мире, душа может отправиться в другой.

А еще есть такое мнение, что, если душа очень хочет жить, она может занять чужое тело, из которого уходит душа прежнего хозяина. Говорят, так тоже бывает. Душа не уходит, а просто переселяется.

Но это, конечно, просто глупость. Ведь до сих пор никто не признался в таком переселении...

Первым Алиным ощущением было – больно.

Вторым – больно!

Третьим – больно!!!

И девушка открыла глаза.

Лицо, нависшее над ней, оптимизма не внушило. Не было ничего. Ни белого потолка, ни сверкающих ламп, ни людей в белых халатах – одним словом, ничего из представлений современного человека о реанимации. А ведь она обязательно должна была попасть туда. Или хотя бы в обычную палату. После нескольких переворотов машины...

Аля отлично помнила страшный хруст в своей шее и почти не сомневалась, что после такого ей грозит минимум год реабилитации.

О практике в больнице можно забыть сразу.

Абзац.

А так хотелось... Ей обещали пока травматологию, но потом... Ага, теперь ей травма тоже светит. В качестве пациентки.

Только вот почему над головой какая-то пыльная розовая тряпка? И что это за тетка с тремя зубами, которая глядит ей в лицо и проникновенно спрашивает:

– Госпожа очнулась?

При этом изо рта тетки дохнуло таким смрадом, что Аля застонала – и потеряла сознание.

Но хотя бы все тело болеть перестало.

Во второй раз открыть глаза оказалось чуть легче. Опять было больно. Но теперь меньше. И Аля никак не могла по-

нять, почему болит в области паха, если была автомобильная авария? Вроде бы она головой ударилась, а не тем самым местом. А с другой стороны, кто его знает? Могла и тем самым.

Больно.

Над головой опять была мерзкая розовая тряпка. В воздухе воняло чем-то горелым и, pardon, дерьмом. Но сознание вроде бы отплывать не собиралось. Пока.

И Аля повела глазами по сторонам.

Увиденное заставило ее серьезно усомниться в реальности происходящего. Может, она слишком сильно головкой об машинку треснулась, и теперь у нее глюк? И он атакует?

Было от чего пребывать в шоке. Она лежала в большой комнате на здоровенной кровати. Комната размером не меньше, чем вся родительская трехкомнатная квартира. И кровать занимает гордое положение посередине. С одной стороны окно, в которое виднелся лес. С другой – огромные шкафы. А если смотреть прямо – дверь. Роскошная, вычурная и позолоченная. А сама комната напоминала жилище придурочной барби. Другой характеристики Аля подобрать не могла.

Розовым было все. Стены, затянутые приторно-розовой тканью в золотых цветах размером с капусту. Занавески веселенького поросячьего цвета. Шкафы, покрашенные косо-руким маляром в тот же барби-цвет, для полного счастья еще и обляпанные золотом. Столик на ножке – разумеется, по ножке вились розы, а окраска столика напоминала грудь сне-

гиря. Кресла, обитые той же тканью, что и стены. Здоровущие вазы с розами. И венец всего – пыльно-розовый балдахин над кроватью. Со здоровущими бантами золотого цвета.

Аля почувствовала, как перед глазами поплыли розовые круги. Но в этот раз так легко сознание потерять не удалось.

– Госпожа!

Над ней нависло то же лицо, что и в прошлый раз.

Аля кое-как собрала остатки сил – и выдохнула:

– Где я?!

Получилось что-то вроде «е... а...». Откровенно плохо получилось и невнятно. Но – как смогла.

Видимо, сиделка (а кто еще может сидеть рядом с больным человеком?) приняла это за разрешение говорить или что-то еще в этом духе, потому что затараторила:

– Госпожа, я так рада, так рада, что вы очнулись! Вы уже три дня лежите. Знахарка была, сказала, что трогать вас нельзя, коли тело само смерть переборет, так тому и быть, а коли не переборет, то и судьба вам за ребеночком вслед уйти. Родильная горячка – она ж много кого сгубила. Мы боялись, что и вас хвороба приберет, ну и молились ежечасно – с божьей помощью вы и на ноги скоро встанете. А вот водички не хотите ли?

И перед носом у девушки появился здоровенный кубок из желтого металла.

Золото?

Сверкнули алые самоцветы по ободку чаши.

Аля почувствовала себя зависшим компьютером. Машинально вытянула губы, прикоснулась к холодному металлу, и в горло ей полилась вкуснейшая холодная вода. Прекрасная. Чистая. Без малейших признаков ржавчины. И смешанная с чем-то вроде дешевого вина из пакетов...

Да что тут происходит?!

Но спрашивать Аля поостереглась. Вместо этого прикрыла глаза и принялась размышлять.

Чем-чем, а логическим мышлением боги девушку не обидели.

Как медик, она отлично знала – иногда надо не прыгать и не бегать, а промолчать. Лишний раз промолчать не помещает. Факт. В любом случае ты об этом не пожалеешь.

Что она помнила?

Последнее – тот КамАЗ. Крик отца. Сильный удар головой и хруст в шее. И – темноту.

Что-то было еще в темноте, но что? Она не знала. И принялась анализировать услышанное от сиделки.

В сухом остатке провал в черноту. А теперь – эта комната и сказанные слова.

Что было сказано?

Госпожа. Явно обращаясь к Але. Но господ вывели в 1917-м. Кстати, зря. С Алиной точки зрения. Но об этом после. То есть госпожа – это она. А где у нас так говорят?

А где угодно. От Арктики до Антарктики. Есть места, где тебя будут почтительно именовать «прекраснейшая и муд-

рейшая, совершеннейшая и чудеснейшая». Деньги только отстегивай, и будут. Хотя Але на такое и пяти копеек жалко. Но – ладно. Обращение не редкость. А что дальше? Вы уже три дня лежите?

После той аварии... Аля подозревала, что и двадцать лет можно бы пролежать. В коме. Но дальше-то как?!

Была знахарка. Какие, на фиг, знахари в век медицины и фельдшеров?! Даже в Африке есть Красный Крест! И вообще – не похоже это на Африку. Холодновато. И небо за окном серое. И даже если знахарка – какие к черту преодоления болезни в век антибиотиков?! Вкатят лошадиную дозу – все микробы передохнут.

И вообще – за ребеночком?!

Какие, к чертям свинячьим, дети?! Аля, честно говоря, спала только с Алексеем. На каникулах. И то со всеми предосторожностями. Ей доучиться хотелось, а ему – получить хотя бы майора. А потом уж можно и в загс. Но пока они старались, чтобы ничего... и никак... И после тех каникул у нее месячные были не раз. И по графику. Давно бы проявилось, если что.

О чем тут речь идет?! Какой ребенок?

Хотя, если был ребенок – ясно, почему внизу живота такие мерзкие ощущения. Редкостно мерзкие.

Но как?!

Лично у Али было два варианта. Первый – простой. Она оправилась после аварии, успела выйти замуж, залететь и да-

же родить. Но в результате стресса (родильной горячки, клинической смерти, пролетевшего метеорита, упавшего яблока – вариантов прорва) забыла все, что было после аварии. И теперь ей все придется начинать сначала.

Второй вариант...

Он тоже был. И не радовал.

Соседка по комнате в общежитии была заядлой толкиенисткой. Она ходила на ролевки, свято верила в параллельные миры, заваливала все углы фантастикой и замусорила весь комп всякой пакостью из разряда фэнтези. Аля не спорила с ней и не ругалась, прок был и от такого. Особенно когда в комнату случайно забрели двое пьяных кавказцев. Они мигом протрезвели, натолкнувшись на Элдариэль (в миру – Элла) в кольчуге и с мечом. Которым она и гнала парней по коридору до выхода. Девушка как раз собиралась на ролевку и оделась соответственно. Эффект был потрясающим. Тем более что все делалось с приближением к реальности, и меч весил не меньше трех килограммов. А то и все пять. Аля не взвешивала. А железякой в умелой руке, да по хребтине...

Но – хватит об Элке.

Второй вариант был параллельным миром. И радоваться тут нечему.

Аля периодически брала у подруги что-нибудь почитать – если расшатанная нервная система отказывалась погружать девушку в глубокий сон, очень хорошо помогали разные фантастические книги. Насколько она помнила, выглядело

это так. Героиня (молодая, прекрасная и вся из себя ведьма) попадает в параллельный мир (где только ее и ждали). И начинает вести себя там настолько по-идиотски, что в родном мире ее бы приняли в психушку без блата и очереди. Просто на основании поступков.

Она лезет куда не надо. Хамит кому ни попадя. Влюбляется в антисоциальные элементы с дурными наклонностями. В крайнем случае все окрестные принцы и короли были ее. Если уж автор решал соригинальничать, героиня огребала себе на голову – и на всю оставшуюся (разумеется, лет так в 1000–5000) жизнь – эльфа или дракона. Который сидел на своей кочке тоже лет так с тысячу специально для нее.

Бывает.

В дополнение к уже сказанному, героиня постоянно рвется спасать мир, который прекрасно существовал миллион лет до нее и прекрасно просуществовал бы еще лет эдак с миллиард – без нее.

И что тут от умного человека?

Кроме того, героине неоправданно везло всегда и во всем. Грубо говоря, если она падала с небоскреба – тут же находился либо ловящий ее герой, либо стог сена, либо свежееоткрытые магические способности или ангельские крылья. В крайнем случае ускоренная регенерация.

И Аля сильно подозревала, что если это – другой мир, ей такая халява не светит. Зато светит загнуться без антибиотиков. Тем более что, по ее ощущениям, даже кружку не мыли

недели две. А саму сиделку – с рождения.

И девушка приняла простое решение. Молчать.

Молчать и еще раз молчать!

Среди говорящих попугаев дольше живут те, которые меньше говорят. К людям это еще более применимо.

А жить хочется. И не в местном дурдоме. Если тут вообще такие есть.

Хорошо еще, если дурдом. А если... Святая инквизиция, например, пришельцев из другого мира первым делом бы протестировала на связь с дьяволом. То есть притопила с камешком на шее. Выплывет – виновна. Дьявол ей помог. Не выплывет... «Братья. Она была невиновна. Помолимся же за ее грешную душу. Ибо все, что Бог ни делает, все к лучшему».

Очень приятные ощущения.

Даже если все это бред, Аля подозревала, что и в бреду ей утопиться не захочется. Или торжественно сжечься. Кажется, это называлось аутодафе?

Поэтому плевать, какой это мир, какой век (судя по обстановке – не больше пятнадцатого, даже зеркал нет!), какая планета...

Плевать на все, кроме своего здоровья.

Спать, набираться сил и выздоравливать.

Спать.

Аля вздохнула поглубже и принялась считать овец.

Уснула она на шестнадцатой скотинке.

Второй культурный шок Алю ждал при следующем пробуждении. Вот так сидел в кустах и ждал.

А что делать? Девушка проснулась, попила воды и захотела на горшок. Верная сиделка, воняющая еще сильнее (ладно, был бы человек хороший, а ароматизировать любого можно) откинула одеяло и принялась подсовывать под Алино тело что-то вроде средневекового судна.

Действовала она так неловко и неумело, что пролежни были обеспечены. Но Але было не до пролежней. Расширенными глазами она смотрела на свое (какое, к чертям свинячьим, свое?!) тело. И понимала, что это не она!!!

Аля от рождения была черноволосой, чуть смуглой, с серыми глазами. Всегда не больше сорок шестого размера. То есть вполне стандартная девушка при росте сто семьдесят. А тут?!

На простыне, которую тоже надо было бы уже месяц как постирать, расположилась рыхлая тушка размера эдак пятьдесят шестого. Или вообще шестидесятого. Весьма рыхлая и белокожая. В задравшейся грязно-розовой рубашке. И что самое ужасное – блондинка!!!

Натуральная.

Аля ушла в глубокий обморок. Правда, описать она смогла и в обмороке.

В третий раз девушка открыла глаза днем.

Ощущения опять были мерзкими. Опять сухость во рту. Опять голова болела. Опять мутило. Про промежность лучше и не говорить. Если она и рожала, то, по ощущениям, ребенок родился бешеным дикобразом. Но требовалось хоть что-то сделать.

И кто-то держал ее за руку. И говорил.

«... а у Висы Хадсон овца родила двухголового ягненка. Докторус, ну которого к тебе приглашали, поехал его посмотреть и сказал, что обязательно чучело набьет и отправит в королевский музей диковинок. Он еще обещался сегодня заехать. Поглядеть на тебя. Ой, девочка моя, не умирай! Только не уходи! Я ж тебя вскормила, на руках своих вынянчила, выносила родненькую, и батюшку твоего тоже вынянчила! Ты ж у него одна, кровинушка! И у меня ты тоже одна! Как матушка твоя в землю ушла, так и ты уйти хочешь. А он без тебя заболит да зачахнет. А муженек твой – хоть и граф, да сволочь! Жена тут помирает, ребеночка ему родить пытаюсь, а он со шлюхами в столице развлекаться изволит. А я уж тебе и водичку чудодейственную на золоте настояла, чтобы ты после родов еще краше стала. Ты только поправляйся, родненькая моя! Как же я без тебя тут оста-а-а-ануся... На кого ж ты меня покидаешь-то...»

Речь перешла в какое-то несвязное бормотание.

Аля почувствовала себя как компьютер с полетевшей материнской платой. А потом привычно заработали мозги, обрабатывая полученную информацию.

Что такое «Виса Хадсон», она не знала. Но, надо полагать, человек. Если у нее (него?) есть овца. Вроде бы только люди разводят овец? Докторус... (Коллега? А почему докторус, а не доктор или док?) Собирается его сделать чучелом и отправить в королевский (какие, на фиг, короли в России?! У нас по жизни цари были!) музей диковинок. Я тебя вынянчила (нянюшка? кормилица?) и батюшку твоего тоже вынянчила... (Но Алиного-то отца точно никто не нянчил. Он вообще детдомовский!) Как матушка в землю ушла... (Алина мама явно была жива и здорова, так что отец не тосковал.)

Точняк – чужое тело, другая жизнь.

А муженек... ой, ё-о-о-о-о! Вот графа и сволочи нам по жизни точно не хватало. Значитца, сделал жене ребенка – и в столицу, баб там того и этого? А ты тут рожай, как тебе больше нравится? Выживешь – хорошо, нового сделаем. Помрешь – тоже хорошо. Новую найдем. Графья – они завсегда спросом пользовались.

Больше ценной информации выделить не получилось. И Аля решила. Можно бы и еще поваляться, но, судя по тихому плачу рядом, есть хотя бы один человек, который ее любит. И не стоит так огорчать несчастную. Тем более из нее можно отлично качать информацию об окружающем мире.

Как ни странно, голова была ясной и без какой-либо дури. Так что Аля приоткрыла глаза и тихо прошептала:

– Нянюшка...

Больше и не потребовалось. Старуха (та самая, аромат-

ная) подскочила на стуле, словно ее шилом ткнули. И улыбнулась во все оставшиеся восемь зубов.

– Лилюшка моя! Родненькая! Никак ты в себя пришла?!

Аля чуть опустила ресницы.

– Больно. Говорить больно. Попить мне дай...

– Сейчас, сейчас, родненькая, – засуетилась бабка. – Сей секунд все сделаю. Водички тебе с винцом намешаю. А то молочка, может, дать? Свеженькое, сегодняшнее...

– Водички, – попросила Аля.

Судя по ощущениям, она давно не ела. А молоко... Еще пронесет с него, на голодный желудок-то... Эх, простоквашки бы...

Что она и сказала. Женщина ласково погладила ее по волосам.

– Сей же день поставлю сквашивать! К завтраму и готова будет. А пока сделай глоточек...

Опять сверкнули золото и рубины.

Аля послушно отпила воды с вином. Немного. Чтобы в голову сильно не ударило. И поглядела на женщину.

– Нянюшка, что со мной было? Помню плохо, как в тумане! Расскажи, а?

Женщина отвела глаза.

– Ты слабенькая еще совсем. Куда ж такое рассказывать!

«А вот если ты промолчишь – мне намного лучше будет, правда?» – едва не завелась Аля. Но вовремя смирилась и сделала печальное лицо:

– Расскажи. Пожа-а-а-а-алуиста...

Слезу выдавить не удалось. Но и так женщина опустила глаза и тихо заговорила:

– Ребеночка ты потеряла, золотко мое. Мальчик был.

Неизвестно, какой реакции она ожидала от Али, но девушка только опустила ресницы.

– Ясно. Еще что?

– Родильная горячка у тебя началась. И ты три дня провалялась. Докторус приходил, спустил тебе дурную кровь и дал прочищающее. Не помогло.

Аля сверкнула глазами. Вот, еще б кому клизмы с кровопусканиями от родильной горячки помогали! Спасибо, хоть не загнулась.

– Чтоб больше ко мне этот придурок и близко не подходил! Ноги вырву!

Няня аж задохнулась от такого заявления.

– Детка! Да как же можно! Его твой муж аж из Лавери прислал, когда узнал, что ты в тягости.

– Небось надеялся, что он меня и уморит, – проворчала Аля.

Но пока обвинять не спешила. Про средневековую медицину она была наслышана. Проходила «мимо истории медицины». И, честно говоря, была о ней не лучшего мнения. Но. Заблуждались в те времена вполне искренне. Хотя какая разница, угробят тебя с искренним осознанием своей правоты и непогрешимости или без оного?

– Да что ты! – тут же подтвердила няня. – Докторус Крейби – один из самых лучших врачей в Лавери. Его услугами король не брезговал.

– Это проблемы короля. Отчего я потеряла ребенка?

Няня пожала плечами:

– Докторус Крейби сказал, что ты с лестницы упала.

– Вот как?

– Мы тебя нашли у лестницы. И крови было... Я уж боялась, что ты не выживешь...

Няня всхлипнула и закрыла лицо передником.

– Не дождетесь, – проворчала себе под нос девушка. Няня не слышала и продолжила всхлипывать.

Аля внимательно разглядывала ее.

Невысокая, на вид лет шестидесяти. С усталым, но приятным лицом. На голове что-то вроде... чепчика? Аля вообще-то их ни разу не видела, кроме как в фильмах, но подозревала, что это оно и есть. Такая гнусная нашлепка на половину волос.

Платье из серо-коричневой ткани, явно домотканое. Без рюшек и оборок. Передник грязный. Платье – тоже. На ногах... ноги не видно. Вообще. Платье волочитя по полу, подметая его. Доисторический пылесос в действии?

Аля вздохнула и заговорила по возможности ласково:

– Нянюшка, мне нужна твоя помощь. Я жива. И хочу быть здоровой. А для этого мне нужно многое.

Пожилая женщина отняла передник от лица. Серые глаза

ее сверкнули таким огнем, что Аля поняла: здесь есть один человек, которому она дорога так же, как отцу и матери в своем, родном мире. И эта женщина все для нее сделает.

Вообще все. Что бы она ни попросила. А такого человека надо беречь и любить. Пригодится.

Все эти мысли почти не отразились на лице девушки. Она невозмутимо улыбнулась и сказала:

– Я хочу попробовать встать. И мне надо вымыться.

– Да куда ж тебе вставать, ласточка?! Докторус сказал, что тебе еще десятинку^[1] лежать надо!

– Ничего, – пропыхтела Аля, решительно ерзя на кровати и не обращая внимания на боль внизу живота. – Справлюсь. И мне нужно помыться!

– А мытье вообще вредно! Так и пастор^[2] Воплер говорит.

– Вот пусть он и не моется, пока не завшивеет, – не выдержала Аля. Но, увидев огорчение старой женщины, тут же изменила тон с решительного на ноюще-просительный: – Нянюшка, ну помоги мне, пожалуйста...

Няня (как же ее зовут, блин!) вздохнула и покачала головой:

– Лилюшка, вредно ведь...

---

¹ Десятинка – десять дней, месяц – сорок дней. Год состоит из девяти месяцев и трех дней, которые не входят ни в один месяц и сильно зависят от фаз местной луны. Именно в эти дни празднуют Новый год. – *Здесь и далее примеч. авт*

² местный священник

– Ня-а-а-а-аню-ю-у-у-у-ушка!

– Хорошо. Полежи пока, пойду прикажу воды согреть. А приду – помогу тебе встать. Хорошо?

Аля закивала головой.

Няня выплыла за дверь. Девушка проводила ее задумчивым взглядом и принялась разглядывать комнату. Розовая жуть никуда не делась. Увы. Но теперь Аля рассмотрела ее попристальнее. И могла поклясться, что тряпки на стенах были дорожущие. На окнах висели шторы, да такие, какие в наше время стоили бы бешеных денег – Аля в этом разбиралась. Одна ее подруга подрабатывала шитьем и читала Але целые лекции о проймах, выточках, клиньях, прошивках, вышивке крестом и машинной вышивке, разных видах швов... перечислять можно много и долго. Но отличить ручную работу от машинной строчки Аля бралась даже по виду.

Девушка перевела взгляд на шкафы.

Розовая громадная жуть. И скажите, кто сейчас делает столики из мрамора? Его ж не сдвинуть, да и упадет – развалится. А кресла? Их что, из целиковой сосны вырубали?

Вообще было такое ощущение, что это не кресло, а сундук, к которому приколотили весьма неудобную спинку и обтянули все это дело тканью. Розовой. В страшноватых огромных золотых розах.

Жуть!

Над головой мерно покачивался балдахин, из которого давно надо было выбить пыль. А то скоро и золотых роз не

разглядишь.

Аля собралась с духом – и перевела взгляд на кровать. Что тут скажешь?

Покрывало. Дорогое. Парчовое. Грязное донельзя. Тоже розовое. Явно ручной работы. То ли здесь по-другому не умеют, то ли...

Простыни. Розовые. Шелковые. Грязные и вонючие.

Аля зашипела сквозь зубы и откинула их в сторону. Сколько можно бояться себя?!

Тушка кита. Розовая. Грязная. Вонючая. Жирная до беспредела.

Навскидку девушка дала бы себе килограммов сто – сто двадцать. Аля едва не разрыдалась. Это ж надо было так неудачно реинкарнироваться! Туша лежала в розовой ночной рубашке из шелка. Это утешало. Если она так одета, она здесь не последний человек.

Но на диету садиться надо. И заниматься гимнастикой.

Кроме рубашки на туше наличествовали: золотой браслет с изумрудами, шириной сантиметра три. И золотое же кольцо с зеленым камнем. На камне была вырезана маленькая корона, залитая золотом. Она что – принцесса?

Да нет, это чушь! Скорее это знак какого-нибудь титула. Они же графские, баронские, герцогские... Надо будет потом разобраться...

Скрипнули половицы за дверью. Аля поспешно накинула одеяла. В дверь вошли трое мужчин. Они тащили... больше

все это было похоже на здоровущее металлическое корыто. Памятник архитектуры грохнули на пол с таким гулом, что Аля даже испугалась – проломают еще полы на фиг! А потом они вышли, чтобы через десять минут вернуться с ведрами кипятка. Которые принялись выливать в лохань.

Три ведра кипятка, три ведра холодной воды. Еще два ведра принесли и поставили рядом с корытом.

Аля наблюдала за этими приготовлениями в тихом ужасе. А заодно разглядывала слуг.

Трое мужчин. Младшему лет восемнадцать. Старшему явно уже за полтинник. Среднему лет тридцать пять – сорок. Не больше. Все одеты в странную одежду типа лосин когда-то белого – ныне грязно-белого – цвета и туники. Розовые. Кто б сомневался. Двое бородаты. Третий старательно лелеет несколько пробившихся волосков. Головы у всех непокрыты, но посыпаны чем-то вроде пудры. Волосы стянуты сзади весьма грязными розовыми лентами. На ногах у всех троих эдакие войлочные боты «прощай, молодость, прости, красота».

Кошмар, одним словом. Интересно, все мужики здесь так ходят?

Ни одной пуговицы Аля на их одежде не заметила. Только завязочки. Как и на одежде своей служанки. Тоже вопрос. Их еще не изобрели? Тогда надо будет постараться. И патент заодно взять. Если тут это есть. А если нет – открыть мастерскую. Договориться с кем-нибудь... так, ладно. Куда-то она

улетела мыслями в далекие края. А жить надо здесь и сейчас. То есть хотя бы искупаться.

Мужчины вышли, и няня решительно подошла к кровати.

– Ну что, Лилюшка, вставай...

Аля попыталась встать. И едва не застонала от боли. Болели, казалось, все мышцы и каждая клеточка тела. Но она только стиснула зубы. Кто не стоял в боевых стойках по три-четыре часа, тот не знает, как могут болеть мышцы.

А пока...

Служанка подала ей руку, намереваясь запихать женщину в корыто прямо в рубашке. И Аля удивленно поглядела на нее:

– Няня, я больше эту рубашку не надену. Помоги мне ее снять и отдай выстирать. Это – первое. Второе. Есть у меня чистая рубашка?

– Да. Но Лил...

– Няня, прошу тебя! Мне и так плохо! Ты хочешь, чтобы я запуталась в этой рубашке и упала?

Этого няня явно не хотела. И кое-как помогла девушке стащить противный балахон.

При виде собственных жировых складок Аля едва не разрыдалась. Но кое-как сдержалась.

– Эх, зеркало бы...

– Так ведь ты выписала. Давай я помогу, солнышко мое золотое...

Аля поспешно закивала. И служанка под руку подвела ее

к одному из шкафов. Распахнула дверцу. И Аля ахнула.

Это оказался вовсе не шкаф. А скорее, короб для зеркала. А зеркало...

Аля чуть не согнулась от смеха. Полированная металлическая пластина! Не угодно ли?! Но для того, чтобы оглядеть себя, оно вполне годилось. И, как ни странно, видно было неплохо. Хотя зеркало и находилось точно напротив окна.

Аля наконец-то увидела, какой она стала.

Ну что тут скажешь? Были плюсы, были и минусы. Минусом были жутко жирные ноги, бедра, попа и исчезнувшая под четырьмя складками жира талия.

Плюсом – сравнительно небольшая (даже при такой заднице) высокая грудь. И длинная шея, частично скрытая за тремя подбородками. Кисти рук вроде как тоже изящные. Ноги вполне пропорциональные. Минус килограммов пятьдесят – будет очень неплохо.

В плюс Аля записала также тяжеленную толстую косу аж до колен. Это не родной крысиный хвостик, здесь на натурпродуктах и шикарнее можно отрастить. И перешла собственно к лицу.

Лицо ее порадовало. Да, формы пока из-за щек не видно. Но глаза вроде бы большие и зеленые. Нос не крючком и не пяточком, этакий средний прямой нос. Уши тоже вполне приличные. И самое главное – кожа вроде как без пятен, прыщей и бородавок. И даже без оспин. Что вообще шикарно. Только небольшая родинка в углу рта.

Зубы целы. И даже зубы мудрости еще не прорезались. Предел мечтаний!

Одним словом, основа есть. Осталось стырить и принести. А если серьезно – жиры сгонять надо. Чем она и займется.

А заодно ассимилируется здесь. Нет, на прогрессора, который будет двигать вперед все и сразу, она не тянет. И изобрести велосипед тоже не сумеет. Да и не надо, наверное. А вот наладить свой быт, сделать его лучше и спокойнее...

Начинать надо сначала. То есть узнать, что вокруг творится.

Аля развернулась к няне и с умильной улыбкой проворковала:

– Нянюшка, давай ты мне поможешь вымыться. И заодно расскажи, что произошло новенького, пока я лежала в горячке.

Пожилая женщина опять широко улыбнулась.

– Как скажешь, Лилюшка. Как пожелаешь.

Мелкая интриганка в душе Али коварно ухмылялась и потирала руки. Она-то знала, что пожелать.

– Анелюшка моя! Прелесть моя! Открой дверцу!

Мужчина говорил негромко, постоянно оглядываясь по сторонам. Словно чего-то опасаясь. И долго ждать ему не пришлось. Дверь распахнулась, и его втянули внутрь. Щелкнул задвигаемый засов.

– Ты что, с ума сошел?!

Говорящая была удивительно хороша. Этакой чувственной красотой южанки. Черные волосы, тяжелыми волнами падающие на полные круглые плечи, пышная фигура, каждым движением излучающая чувственность, круглое личико, которому подошло бы слово «невинное». Высокий лоб, выщипанный по последней моде, так, что волосы образовывали треугольник надо лбом. Тонкие брови вразлет (тоже выщипанные, но кого это волнует?), большие карие глаза, маленький курносый носик и губки сердечком над круглым подбородком с ямочкой.

– Как ты мог сюда прийти?! Мой отец здесь сегодня!

– Но он не собирается петь тебе на ночь колыбельные, Анелюшка. А я имею на тебя все права, как твой супруг!

Лицо девушки исказилось от страха.

– Молчи! Ты погубишь нас обоих!

– Или наоборот – спасу? Тебе уже шестнадцать лет. И ты уже год как моя жена. Иди сюда. Прекрати водить меня за нос!

Мужчина поймал девушку за прядь волос и потянул к себе. Анна вскрикнула – совсем тихо, но он и не подумал останавливаться. Он отлично знал, что немного боли ей только нравилось.

Прошло немало времени, прежде чем они возобновили разговор. Уже в кровати. Уже на смятых простынях.

– Сколько мы будем еще прятаться, Анна?

– Лонс, ты же знаешь, до восемнадцати лет в моей судьбе

полностью волен мой отец. А потом я буду полностью свободна. Пусть без приданого, но мы сможем объявить о нашей свадьбе. Подожди немного.

– Немного? Два года! Два года прятаться по углам! Два года ждать от тебя каждого взгляда, как милости! Два года...

Нежная ручка закрыла мужчине рот.

– Лонс, мой отец полностью волен в моей судьбе. Прикажет – и меня отправят в монастырь за связь с тобой. Прикажет – и наш брак объявят незаконным. Что ему – его и так не одобряет Светлый Престол. Ты же не хочешь оказаться на плахе за соращение аристократки?

– Нет, – проворчал мужчина, успокаиваясь.

– И я не хочу расставаться с тобой. Ты мой муж. Я люблю тебя. И все будет хорошо. Подожди только немного.

– Да уж. Аристократка и учитель.

– О тебе скажут, что ты воспользовался моей неопытностью. Неужели так сложно потерпеть пару дней и не приходиться ко мне, пока здесь его величество со свитой? Потом он уедет – и мы опять будем вместе. Обещаю!

Мужчина чуть вздохнул, смягчаясь.

– Аннушка, сердце мое... Тебе отказать просто невозможно. Обещаю. Потерплю десятинку. Но эта ночь – моя!

В его серых глазах загорелись хищные огни. Он притянул к себе девушку и хищно впился губами в темный набухший сосок. Анна застонала и вцепилась в его темные густые волосы. Она знала – теперь он не уйдет раньше утра.

Да ей и не хотелось отпускать его раньше.

Его величество король Ативерны Эдоард Восьмой перебирал бумаги на столе в кабинете. Если кто думает, что королевская жизнь – это балы, охоты и развлечения, решительно зря он так думает. Королевская жизнь – это прежде всего каторжный, от рассвета до рассвета, труд. И не просто каторжный. А еще черный, неблагодарный и не оцененный потомками. Хотя бы потому, что если все идет хорошо, король не нужен. А вот если начинаются какие-нибудь проблемы, сразу возникает вопрос: «А кто тут крайний?»

Разумеется, тот, кто и первый перед Богом. Его величество.

Он же во всем и виноват. Постоянно.

И хвала богам, если королева попадаетея приличная. Тогда его величество может свалить на нее придворные церемонии, да и после них в своей семье получить ласку, любовь и заботу. А вот если попадаетея стерва (специально их, что ли, среди принцесс разводят?), тогда начинается сплошной кошмар.

Работа неблагодарная.

Дома не любят и не ценят. Настоящих друзей тоже днем с огнем не найти. Потому что мало кто видит в короле прежде всего человека, а не кошелек с разными благами и милостями.

Поневоле озвереешь. И напишут потом летописцы: «Эдо-

ард такой-то был тиран и деспот».

Их бы так запрячь, в кого бы они превратились? В Сияющих^[3], что ли? Посредством убиения. Мученики ведь туда и попадают?

Хотя вот этот конкретный Эдоард тираном не был. И деспотом – тоже. И вообще ему повезло. Невероятно повезло. Как обычно королям и не везет. В его жизни были и любовь, и дружба.

Тридцать шесть лет назад его величество женился в первый раз. По государственной необходимости, на принцессе Авестерской. И на своей свадьбе впервые увидел юную дочь графа Алоиза Иртона. Младшую сестру Джайса. Точнее, младшую близняшку. Джессимин родилась на полчаса позже брата.

Джессимин была очаровательна. Красива. Умна. Обаятельна. У нее было все, чего не хватало принцессе Авестерской. Но Эдоард в глубине души знал – он бы влюбился в Джессимин и без ее очарования. Просто раз увидев ее. Влюбился бы, даже изуродуй ее лицо болезнью, даже будь она тихоней и книжницей. Будь она хоть монашкой.

Так иногда бывает. Ты видишь человека – и понимаешь, что это твоя вторая половинка. И все остальное значения не имеет. И никогда иметь не будет. Не важно. Наверное, это любовь.

---

³ Сияющие – в местной религии аналог ангелов. Считается, что Сияющими становятся люди, принявшие мученическую смерть во имя высокой цели

И Джессимин тоже влюбилась в юного тогда принца. Влюбилась до безумия.

У принцессы Авестерской просто не было шансов. Ночью ее муж был спокоен и равнодушен. Днем – тоже. И все чаще его глаза обращались в сторону тонкой темноволосой фигурки Джесси. И все чаще серые глаза встречались с синими. И все чаще руки влюбленных встречались в танце.

– Почему ты принц? – шептали синие глаза.

– Почему ты не принцесса? Я сделал бы тебя своей королевой, моя богиня, – отвечали серые глаза.

Буря грянула на одной из королевских охот. Лошадь Джессимин понесла, сбросила всадницу и вернулась к охотникам. Мужчины рассыпались искать. Но нашел свою любимую Эдоард. Так получилось. Ночь они провели вместе, в домике лесника. А наутро у принца появилась официальная фаворитка.

Разразился бешеный скандал.

Принцесса Авестерская орала, рыдала, каталась по полу в дикой истерике и швыряла предметы.

Старый король неодобрительно качал головой. Придворные сплетничали. Святоши осуждающе шипели вслед.

Но Эдоард был тверд.

Джессимин – его.

Его жизнь, его любовь, его судьба. То, что требуется для государства, он выполнил. Для себя же ему нужна только Джесси. И он тоже нужен ей.

Джессимин было плевать, что она только фаворитка. Ее любят. И – все. Больше ей ничего не было важно.

Через два года принцесса Имоджин Авестерская родила первого ребенка. На следующий год Джесси родила дочь. Еще через три года королева родила второго мальчика. Через два года после этого Джесси родила сына. А еще через два года королева (тогда еще принцесса Имоджин) умерла от лихорадки.

Джесси же...

Эдоард не делал секрета из их отношений. Хотя они и не нашли понимания ни у старого графа, ни у старого короля. Но что им до этого?

Зато влюбленных всячески поддерживал тогда еще юный отец Джерисона.

Джайс, виконт Иртон, обожал свою сестренку-близняшку. Если для счастья ей нужен принц – пусть будет принц. Эдоард знал – в лице Джайса он приобрел верного друга. Они ведь оба любят Джесси.

И именно Джайс, когда Джесси забеременела в первый раз, предложил влюбленным выход из положения. Сам он отлично знал, что бесплоден после перенесенной в отрочестве «отечной лихорадки»^[4].

У него не будет детей. Но зачем пресекать род графов Иртон? Намного проще жениться на какой-нибудь бесприданнице, отослать ее в деревню, а затем рассказать всем о родах

---

⁴ Так называли свинку

и предъявить младенца. Сына Джесси.

Ведь дети Джесси, хоть и бастарды, могут быть реальной угрозой престолу в глазах старого короля. Девушку либо срочно выдадут замуж за какого-нибудь холуя, либо вообще убьют. Кого это устроит? Уж точно не обожающих ее брата и возлюбленного.

Старый граф подумал и тоже согласился с предложением сына. Внешне все будет шито-крыто. А уж что творится в семье... Хотя в ней и творилось. Мать Джесси и Джайса решила, что такого позора дочери не простит, и после громадного скандала уехала в Иртон, родовое поместье.

Граф же... дочь он любил. И зла ей не желал. И отлично видел, что без Эдоарда она просто умрет. Так стоило ли отвергать план своего сына?

Лучше уж помочь ему и заранее приобрести расположение следующего короля. Он ведь не оставит своих детей милостями... А значит, и роду Иртон лучше.

Решение было принято. Невеста выбрана совместными усилиями. Алисия Уикская была немолода. Не слишком хороша собой. И при этом бесприданница. Зато у нее были целая вереница благородных предков и фамильная гордость, которая заставляла ее высоко держать голову. Предложение руки и сердца от Джайса она приняла как дар небес. А о дополнительных условиях выслушала, не поведя и бровью.

И заметила только, что ей действительно нельзя рожать. Слишком узкие бедра. Если милого Джайса устроит такая

жизнь, при которой они будут встречаться лишь изредка и на людях, она согласна. У него будет своя личная жизнь. У нее – своя. Детей Джесси она с радостью выдаст за своих. Если у Джайса кто-нибудь появится – пусть так. Лишь бы не опозорил ее имени. А для нее это отличный шанс утереть всем нос.

Джайс согласился на все. Сразу и безоговорочно. И не пожалел. За двадцать лет брака у него «родились» двое детей. Амалия – первой. Джерисон, Джес – через пять лет. Наследник графства Иртон.

Алисия относилась к детям спокойно и равнодушно. Все, что волновало ее, – это благопристойность. Поэтому она раз в год появлялась рядом с малышами, гладила их по головкам и продолжала заниматься своими делами. Блистала в свете, кокетничала, сплетничала – в общем, вела активную жизнь придворной дамы, в чем ей всячески способствовал супруг. Джайс был настолько счастлив, что супруга не лезет в его дела и прикрывает детей Джесси, что готов был носить ее на руках. Впрочем, Алисии вполне хватало денег и благопристойности.

Зато детей обожали их родители и дядюшка. Амалия и Джес жили вместе с «отцом», с кучей нянек и кормилиц. А в доме рядом жила официальная королевская фаворитка, которую его высочество навещал восемь раз за десятинку.

После смерти принцессы Авестерской Эдоард таки добился у отца разрешения на брак с Джесси. Старый король мах-

нул рукой и согласился. Джесси вышла замуж за принца, чтобы еще через год стать королевой. И следующие двадцать лет королевская семья прожила в мире и согласии, родив двух замечательных дочурок.

Джессимин умерла пять лет назад, от лихорадки. И король искренне горевал о ней. Как и вся страна. Добрую королеву любили в народе. А о романтической истории любви Джесси и Эдоарда слагали песни бродячие менестрели.

Не обошлось и без ложки дегтя.

Старший сын Эдоарда от Имоджин Авестерской, Эдмон, увы, оказался точной копией своей матери. И унаследовал ее ненависть к Джесси. И ко всем графам Иртон. Пусть он старался не показывать своих чувств прилюдно, но что можно спрятать от любящего отца? Ненависть, как и горящий уголь, в кармане не носят. Младший же сын, Ричард, наоборот, души не чаял в доброй и красивой мачехе, которая пела ему песенки, рассказывала сказки и всячески старалась заменить родную мать.

Но наследовать трон должен был старший сын.

Эдоард женил бы Эдмона, еще когда тому исполнилось тридцать, но после смерти королевы был объявлен глубокий двухгодичный траур. Эдмон, казалось, чего-то выжидал. И не возражал отцу никогда.

А спустя полтора года после смерти Джесси...

Эдоард так и не узнал, умысел это или случайность? И чей умысел? Джайс, граф Иртон, и принц Эдмон были найдены

мертвыми в гостиной Эдмона. Оба умерли от яда.

Что произошло тем вечером? Эдмон ли попытался отравить старого друга отца? Джайс ли принял такое решение, видя, что приход к власти Эдмона губительно отзовется на его семье и детях его сестренки? Эдоард не хотел знать. Незачем.

А место Джайса рядом с ним – и рядом с Ричардом – занял Джес. Эдоард никогда не сказал бы мальчикам, что они родные братья. Но им это было и не нужно. Они и так любили друг друга. Хотя они почти не походили друг на друга. Джес пошел большей частью в мать. От отца он взял только мощное телосложение. А черты лица, синие глаза, темные волосы, очарование... Копия Джесси. К счастью, она и Джайс были очень похожи. Семейными чертами графов Иртон были темные волосы и синие глаза при молочно-белой коже. А его величество отличался светлыми волосами и серыми глазами.

«Мой золотой принц», – называла его Джессимин.

Ричард тоже пошел в отца. Высокий блондин с серыми глазами. А что прежде всего сравнивают люди? На что смотрят? Разумеется, на цвет глаз и волос. И уже потом на фигуру. Но мало ли высоких и сильных мужчин? Тем более что Джес был военным. Как его отец в свое время был маршалом при Эдоарде, так Джес когда-нибудь будет при Ричарде.

А потом, если повезет, его сын – при сыне Ричарда.

Сын...

Вот еще вопрос. И зачем Джайсу понадобилось женить

сына в третий раз? Да еще и на этой корове? Хотя Эдоард знал – необходимость. Он сам женился на Имоджин по необходимости.

Джайс в первый раз помолвил сына еще восьмилетним. С дочерью графа Эрролустонского. Но юная Элиза умерла, когда ей исполнилось двенадцать. И Джайс устроил вторую помолвку своего сына. С дочерью барона Йерби. Магдалена Йерби подарила своему супругу дочь и умерла в родах. После этого сговорить невесту Джесу стало намного сложнее. Люди суеверны. И все начали считать, что Джес приносит своим женам несчастье.

Тут-то и подвернулся Август Брокленд.

У него была единственная дочь. Лилиан. Младше Джеса почти на десять лет, но какое это имело значение? Главное – детородный возраст. И хорошее приданое. Тут все выходило просто прекрасно. Джес и Лилиан становились супругами, к Иртону присоединялся Брокленд. Серьезно расширялась площадь поместья. И кроме того – Джес мог спокойно заниматься фамильными верфями Броклендов.

Старый Август, увы, хоть и женился три раза, но детей, кроме Лилиан, не имел. А разве мыслимо оставить верфи в руках женщины? Нелепость! Что она понимает в кораблях?

А вот Джес...

Да, он не был моряком от Бога. Но разобрался в кораблестроительстве. Медленно. Упорно. Постепенно. Под руководством старого Августа.

Одним словом, его величество чувствовал гордость за сына. Ложкой дегтя в бочке меда оказалась сама Лилиан.

Его величество видел ее всего один раз – на свадьбе. И понял, что его Имоджин не худший вариант. По крайней мере, с ней в постель можно было ложиться без содрогания.

Лилиан же...

Туповатая груда жира. Другого слова его величество подобрать не мог. И тихо надеялся, что Лилиан умрет во время очередных родов. Или Джес найдет себе такую же подружку, как Джесси. И успокоится рядом с любимой женщиной. Пора бы уже, возраст не юный! А то скоро всех придворных дам переберет, паршивец.

Кстати, легок на помине...

Тихо скрипнула дверь кабинета...

– А, это ты, Джес?

– Я. – Мужчина скользнул из тени на свет...

Его величество король Ативерны Эдоард Восьмой махнул рукой в сторону кресла.

– И что ты стоишь? Садись. Вернулся, значит?

– Вернулся, ваше величество. И полностью готов отдаться государственным делам.

– Джес, прекращай эти титулы. Надоело.

– Хорошо, дядя Эд.

В конце концов, Джерисон, граф Иртон, действительно приходился королю племянником. Пусть и от второго брака. И приятнее было слышать от родного сына привычное «дядя

Эд», чем формальное «ваше величество».

Лицо молодого человека приобрело плутовское выражение. И король покачал головой.

– Лучше бы ты так тяготел к делам семейным, а не государственным.

– Дела моего государства – это и мои семейные дела, дядюшка, – отвечивал юный нахал.

– Жестоко ошибаешься. Дела государства – это мои личные проблемы. А ты не крути тут хвостом, – проворчал Эдвард. – Давно бы мне пару племянников сделал, если бы не отлынивал.

– Глядишь, один и будет, – вздохнул Джес. И чуть не сорвался на крик: – Дядя, ну не могу я! Ты же ее сам видел! Дура, истеричка, уродина! Во сне увидишь – не проснешься! Да она мне и через крепостной ров не нужна!

– Тебя и не просят в ней нуждаться. Сделай ей ребенка, и все. Не нравится – прикрой ей лицо платком.

– Подушкой. И подержать подольше, – буркнул Джес. – Да беременна она, беременна!

– Сколько месяцев?

Джес ненадолго задумался.

– Месяца три. Или уже четыре.

– Как разродится – привезешь ее ко двору?

Мужчина откровенно скривился.

– Прости, дядя, не хочется.

– Подумай. Тут вы часто видеться не сможете, а...

– Нет уж. Пусть сидит в Иртоне. Глаза б мои на нее не глядели. Я ей туда отправил лекаря и денег. Этого хватит с лихвой!

Эдоард покачал головой и оставил попытки воспитывать сына. Взрослый уже. Так что стоит заняться делами.

– Что еще скажешь?

– У меня тут несколько отчетов с верфи. По тем чертежам, которые мы позаимствовали у Ферейры, могут выйти вполне приличные корабли. Мастера хотят построить один на пробу и поглядеть, что получится.

– Ты тоже хочешь поглядеть, так?

– Конечно! А как Августу любопытно! Я тебе тут тоже привез чертежи. Посмотришь?

– Мне пока отчетов казначейства хватает. Знаешь, сколько они своровали в этом месяце?

– Не знаю. Но корабль хочу попробовать строить на свои средства. Он будет двухпалубный, с...

– Это ты мне как-нибудь потом расскажешь. Ричарда не видел?

– Нет еще. А надо?

– Надо. Я решил его женить. Так что пригляди, чтобы этот герой не устроил какого-нибудь скандала. Ясно?

Джес улыбнулся. И у Эдоарда на миг даже захолонуло сердце. Как же он был в этот момент похож на мать! Копия!

– Конечно, дядя! О чем разговор? А на ком?

– Женить? Не знаю. Пока есть две подходящие принцессы

на выданье. Так что либо Анна Уэльстерская, либо Лидия Ивернейская.

– А...

– Нам отдадут любую. В Уэльстере еще пять принцесс, так что рады будут и счастливы. Анна просто больше всего подходит по возрасту. Да и мои люди донесли, что она симпатичная.

– По крайней мере, Рику не придется в постели ей морду платочком прикрывать. А Лидия?

– В Ивернее только она свободна. Не помолвлена, не замужем. Говорят, она типичный шерстяной носок^[5].

– Страшенькая?

– Анна намного симпатичнее.

– Ну так и остановились бы на Анне?

– Красота – это еще не все. Да и мне хочется, чтобы у Рика был выбор. Мне его в свое время не дали.

– Вы его сами сделали, – подмигнул молодой нахал. – И я вас отлично понимаю. Тетушка моя и в сорок лет выглядела красоткой.

– Красота еще не все. Джесси была доброй и умной. А эти качества для жены важнее всего.

Джес чуть погрустнел. Но потом встряхнулся и опять расплылся в улыбке.

– Я не король, так что пусть жена рождает. А доброту и понимание я найду на стороне. Там, говорят, леди Вельс прие-

---

⁵ Аналог «синего чулка»

хала. Сейчас она как раз одинока. И очень нуждается в утешении после смерти старого и противного мужа.

Эдоард только покачал головой.

– Дочка как?

Лицо Джерисона осветилось улыбкой.

– Миранда умница. Учителя ее хвалят. Но... я не смогу взять ее с собой.

– Отправишь в поместье.

– К Лилиан?

– У тебя нет выбора. Пошлешь с дочерью гувернеров, воспитателей, доверенных людей...

– Да, пожалуй, придется...

– Не в Ивернею же ее с собой везти.

– М-да. Это не место и для семилетнего ребенка.

– А если ее к тетке отправить?

– Дядя, это бесполезно. После прошлого раза она чуть что срывается в крик и истерику. Ей дико не хочется к Амалии, хотя я и не понимаю почему.

– Ладно. С ребенком всегда можно справиться и договориться. Подумай над этим. А пока оставь чертежи и беги. Но чтобы за Риком проследил. Ясно?

– Слушаюсь, – по-военному отдал честь молодой человек. И вылетел за дверь.

Его величество проводил сына взглядом и покачал головой.

Паршивец. И никто никогда не скажет, что мальчишка

удивительно талантлив. Что в «клетки»^[6] он легко выигрывает все партии. Что его полк лучший в Ативерне. Что сын спит по четыре часа в сутки, чтобы все успеть, а под пышными тряпками придворного скрывается тренированное тело со стальными мышцами. Что Джес жизнь готов отдать за свою страну и своего брата.

Нет. Со стороны Джес – типичный придворный. Те же ароматические шарики. То же раззолоченное оружие. Те же заученные движения.

Хороший у них с Джесси получился ребенок.

Просто замечательный.

Его величество вздохнул и вернулся к отчетам. Есть такое слово – надо.

Леди Аделаида Вельс была очень счастлива. Конечно, со стороны этого не заметно. Леди не полагается быть счастливой, если у нее три месяца назад умер муж.

Ну и что, если муж старше леди на пятьдесят два года? И что, если он постоянно сморкался, потел, кашлял, портил воздух и всячески отравлял леди жизнь? Все равно – леди положено страдать.

И Аделаида страдала.

Но не просто так. Аделаида страдала красиво.

Это другим позволено рыдать так, чтобы слезы размывали краску на лице. Другие могут к месту и не к месту поми-

---

⁶ Местный аналог шахмат

нать безвременно (ах, если бы года на два пораньше, сразу после свадьбы) ушедшего супруга. А Аделаида будет страдать так, чтобы только бриллиантовая слезинка сверкнула в уголке глаза.

Траур она будет носить обязательно. А то как же!

С ее черными волосами и карими глазами зеленое^[7] очень ей к лицу. Особенно если правильно подобрать пудру и румяна. А это она умеет. После перенесенной пять лет назад оспы ей приходится прятать несколько небольших следов на щеках. Но все равно – она красавица.

И обязательно найдет себе второго мужа. Не сразу. Сначала можно и погулять немного.

К молодым вдовушкам общество более благосклонно. Они могут позволить себе очень многое – при условии полной внешней благопристойности. А это Аделаида умеет. Осторожности она научилась еще в четырнадцать лет...

– Рик, сколько можно! Поехали со мной! Сегодня у Камелии будет шикарное представление...

При звуках сочного мужского голоса Аделаида встрепнулась. Его Высочество она знала. Но она явно не была во вкусе Ричарда. Да и поговаривали, что король скоро женит его. Поэтому не стоило зря тратить время. И портить себе репутацию тоже. Скорбящая вдовушка – это звучит намного привлекательнее, чем отставленная королевская фаворитка.

---

⁷ Цвет траура в этом мире. В зеленых же рясах ходят пасторы в знак того, что жизнь скоротечна

А вот идущий рядом с Ричардом мужчина заинтересовал ее всерьез. Аделаида оценила и ширину плеч, и ткань камзола, и богатство покроя, и дорогое оружие... этим мужчиной можно бы и заняться...

Он явно будет не только храпеть в постели. И сможет побаловать свою любовницу дорогими подарками после...

Аделаида не могла сказать, что достаточно богата. Муж действительно оставил ей более чем приличную сумму, но дом в столице, собственный выезд, дорогие платья, украшения, расходы, расходы...

Одним словом – подходит!

И Аделаида пошла на штурм. Словно бы невзначай отстегнула брошку от шарфа и уронила ее.

Брошка, специально для таких случаев сделанная в виде ароматического шарика, покатила по полу, звеня и подпрыгивая. Разумеется, в нужном направлении.

А теперь очень аккуратно...

– О, простите, ваше высочество! Моя брошка!

Упасть на колени, лоя непослушный золотой шарик – и столкнуться взглядом с наклонившимся за ним мужчиной. Очаровательно покраснеть, страстно посмотреть в глаза, тут же опустить ресницы... и незаколотый шелковый шарф сползает на пол, открывая полную грудь в откровенном декольте.

Мужчина, ничуть не смущаясь, подал даме руку и осторожно поправил шарф. При этом пальцы его слегка скольз-

нули по груди.

Аделаида тут же поняла – проверка. Если она неправильно отреагирует, он окажется у нее в постели, но вскоре оттуда сбежит. А ей нужно надолго...

Поэтому надо отшатнуться... вот так, покраснеть еще сильнее, опустить глаза и пролепетать:

– Благодарю за помощь, милорд. Прошу простить меня, ваше высочество.

И удирать. Удирать как можно скорее. Чтобы Ричард рассказал все о ней своему другу. А она тем временем узнает, кто это такой.

И откроет охотничий сезон.

Как же это изумительно – охотиться, притворяясь дичью.

Единственное, что портило женщине настроение, – брачный браслет на широком запястье мужчины.

Хотя...

Жены – они так же смертны, как и мужья.

Надо узнать, кто это такой.

Обязательно!

Глава 2

Освояемость и усвояемость

Первые десять дней Аля была просто в трансе. И в соплях тоже.

Это в Элкиных книгах, ежели герой или героиня попадают в другой мир, то либо у них четко прописаны цели и задачи, либо они просто такие бесчувственные скоты, что им все хвостом. И никто не нужен. Ни родители, ни друзья... в том мире, из которого они пришли, они ведь тоже не из яйца вылупились?

Но они бодро пожимают плечами и идут перекраивать новый мир под себя. А чего?! Мы наш, мы новый мир построим! И все у них ну так легко получается.

Аля в это решительно не верила. И Элкины книги даже не читала. Так, иногда пролистывала на ночь, чтобы спалось крепче. Помогало.

Но сейчас она жалела, что не читала про всяких попаданцев (корень тут явно – попа, в которой и оказывались несчастные). Хоть знала бы, с чего начинать.

А так – ноль!

Одним словом, десять дней девушка провела в депрессии и прострации. Единственное, что она потребовала, – заменить все белье, и принимала ванну два раза в день. Ее посто-

янно преследовала навязчивая мысль о вшах и блохах. Уж про что, а про золотые блохоловки французских дам была наслышана.

И при одной мысли ей тошно становилось. В детстве у нее были вши, которые вывелись только керосином. А тут-то еще нет продуктов перегонки нефти! И как быть?!

Одним словом, чистое белье и ванна два раза в день. Тщательное исследование волос вредных насекомых не обнаружило. И это уже было счастьем.

И все же...

Аля пролежала бы в кровати и дольше. Намного дольше. И даже не ругала себя. Во-первых, она морально расклеилась. Действительно – попала ведь.

Во-вторых, тело просто зверски болело. Даже прием ванны обходился недешево. Все тело сводили судороги, пот катился ручьями, голова кружилась...

В-третьих...

Аля почти все время проводила в каком-то полусумрачном состоянии.

Не ее мир. И не ее тело. И вот с этим были связаны самые разные побочные эффекты.

Например, те же судороги. Или она начинала истерически рыдать. Причем разумом она понимала, что рыдать не с чего, а слезы катились горохом. А то вообще...

Ей снились странные сны.

Яркие, цветные...

О маленькой девочке.

Вот она сидит за столом, и смутно знакомая женщина уговаривает:

– Ложечку за маму, ложечку за папу...

– Не хочу, – капризничает девочка. – Няня, отвяжись!

Каша летит в одну сторону, ложечка в другую... Няня, вместо того, чтобы надрать уши противной девчонке (Аля бы точно так сделала), подбирает ее и принимается уговаривать дальше:

– Ну, Лилечка, ну, родненькая...

Картинка плывет, меняется, Лиля, уже сегодняшняя, смотрит сон, словно действие происходит на экране телевизора.

Та же девочка в возрасте пяти лет, семи, десяти... Капризничает, примеряет новые платья, ругается, что-то требует, хлещет по щекам лакея, кричит на пожилого усталого человека – откуда-то Аля знает, что это ее отец.

Смотреть на все это Але было не слишком приятно, но отвести взгляд тоже не удавалось.

Еще одна картинка, удивительно яркая. Все всплывало в памяти, словно из темного омута:

– Дочь моя, вашей руки просил граф Иртон.

– Граф?!

– Да. Я решил дать свое согласие.

– А мое мнение в расчет не принимается? Он старик или урод?!

– Граф молод и весьма красив.

Девушку – и весьма луноподобную (в плане форм) – это не останавливает. Она ругается и швыряет чем-то вроде вазы. Но переубедить отца ей не удастся.

И опять картинка.

Помолвка. Удивительно красивый молодой человек. Черные пряди волос, ярко-голубые глаза, мускулистое тело... И выражение отвращения в самой глубине глаз. Он склоняется, протягивает цветы, говорит какие-то слова, а сердце бьется. Бьется так сильно, что готово выскочить из груди.

Неужели это – мой муж?!

И мы с ним навсегда, и в горе, и в радости, и вообще...

Губы красавчика касаются полной руки, – и девушка ощущает, что щеки подозрительно теплеют. А его глаза все так же холодны и спокойны. Ему просто... все равно.

Безразличие.

Вот что страшно.

А еще пугает первая брачная ночь.

И когда она наступает, Лилиан гасит все свечи.

Молодой супруг натывается на что-то в темноте, долго ругается, потом зажигает свечу.

– Не надо, – просит Лиля. Но куда там...

– Вы что, думаете, в темноте станете приятнее на ощупь?

Лиля мертва. А молодой муж продолжает убийственным тоном:

– Вы у меня желания не вызываете ни при свете, ни в темноте. Но я вынужден дать вам ребенка, а себе наследника. Так что лежите молча, дорогая супруга, и не двигайтесь. Так меня, может быть, не стошнит.

Дальше Лилиан почти ничего не помнит. Только унижение. И резкую жгучую боль внизу живота, которая повторяется при каждом визите мужа.

Племенная кобыла не самого лучшего качества.

Не человек. Не любимая. Даже не жена.

Всего лишь сосуд для наследника.

Всего лишь...

И черное ледяное отчаяние.

Аля не сразу поняла, что это за сны. А когда поняла...

Человек состоит из трех компонентов. Тело материально.

Разум мыслит. Душа дает... что она дает, науке не ясно, но, видимо, что-то важное.

Тело – Лилиан Иртон.

Разум и душа... Алины. Но мозг-то в этом теле – Лилиан.

Ее воспоминания, знания, навыки, ее моторика, ее рефлекс...

Происходило слияние двух личностей в одну. И Аля, поскольку была сильнее, живее, да просто привыкла поглощать и обрабатывать громадный объем информации, осваивала память Лилиан Иртон.

Несчастной толстушки, которая просто очень хотела обычную семью. Детей. Восхищения в глазах любимого. Но получала холодное презрение.

Аля мысленно пообещала себе, что супруг за все заплатит. И попыталась опять погрузиться в сновидения.

Номер не прошел.

Ночью десятого дня у нее был сон. Она с отчетливой ясностью увидела ту аварию. Грохот, столб пламени, взметнувшийся к небу, горящий остов их машины...

А еще увидела родителей. Владимир Васильевич в парадной форме и Татьяна Викторовна, молодая и нарядная, смотрели на нее укоризненными взглядами. И явно были ею недовольны. Аля расстроилась. А потом поняла...

Ее воспитывали не так, чтобы она складывала лапки и помирала. Разве этого они от нее хотели?

Нет.

Они умерли.

Аля – жива.

Чудом ей дан еще один шанс. И прожить эту жизнь надо так, чтобы родителям было не стыдно за свою дочь. Да, здесь нет Лешки.

И что?

Здесь вполне можно найти его реинкарнацию. Кто сказал, что она не может еще раз влюбиться?! Да еще как может! И можно родить детей. Верная Марта уверяла, мол, доктор сказал, что это просто несчастный случай, а детей она нарождать может хоть взвод...

Вот и будем!

Одним словом, вечером в кровати лежала одна женщина. Которая хоть и не понимала, что происходит, но старалась кое-как собрать данные, понять, где она оказалась, разобраться...

А вот утром там оказалась совсем другая особа. Которая в любимом стиле Владимира Васильевича решила: «Если не прыгать, то и думать не надо!».

И принялась осуществлять свою мини-программу.

Аля изучала мир, в котором оказалась. По ночам она разгуливала по дому, определяя, что и где. И прятась при первых же намеках на опасность. С утра отсыпалась. Смотрела сны из жизни Лилиан Иртон, которых становилось все меньше. Они выцветали, блекли, уходили в небытие, как и сама женщина. Ближе к вечеру Аля слушала рассказы верной Марты. И ночью опять шла на разведку.

Постепенно Аля узнала, что Иртон – это поместье, куда ее забросило. Так назывался и дом, Иртон-кастл, построенный в форме буквы «Н», положенной набок. Двухэтажной буквы.

Выглядело это так. Центр «Н», то есть центральная перекладина, была самой большой и жирной. И отводилась на

первом этаже под здоровущий холл, бальный зал, малый зал и столовую. В правом верхнем крыле были библиотека, кабинет хозяина дома, музыкальная комната для дам, охотничья комната для мужчин, комната для игр в плохую погоду, там же был выход в сад с огромной веранды... одним словом, все для развлечения гостей. В правом нижнем крыле располагалась кухня. На первом этаже были так называемые рабочие комнаты, например, комната для рукоделия. Там же располагались вход в погреб, все кладовки и склад самого ценного. Тканей, мебели... На втором этаже жили слуги. Левое нижнее крыло было поделено между галереей портретов, рыцарским залом, оружейной на первом этаже и комнатами для гостей на первом и втором этажах. Левое верхнее крыло было полностью отдано семье. И первый, и второй этажи. Крылья дома не соединялись между собой. А на второй этаж вели четыре массивные лестницы из дерева, с красивыми перилами и очень удобные. Пожалуй, к ним не придрался бы даже английский лорд.

Но Аля придралась. По ее мнению, чтобы оценить всю красоту дома, надо было сначала хорошенько отмыть его. А то занавески не стираны, пыль витает, пауки вообще благоденствуют. И что с того, что потолки в пять метров высотой? Что, приставные лестницы еще не изобрели? Изобретем.

А еще потолки в вековой копоти, стекла грязные и мутные, а из темных углов подозрительно пахло сортиром. То ли кто-то не добежал, то ли и бежать не собирался.

Свинарник королевских размеров. И по-другому тут не скажешь.

А когда Аля добралась до местного туалета – ее вообще чуть не стошнило. Комната с дырой в полу. И все. Ни системы слива, ничего...

Просто дыра в полу – и каменная труба, выведенная в ров. Или в сад. В общем, наружу. Кошмар!

Она и нашла-то комнату по запаху. А запах был такой, что мухи на лету дохли. И девушка тут же пометила себе ликвидировать этот бардак.

Первое, что понадобилось Але, была библиотека. Благо до замков и запоров тут особо не додумались. Единственный амбарный замок висел на двери коридора, в котором располагались склады и кладовки. И выглядел так, что девушка чуть не перебудила весь Иртон диким хохотом. Тоже мне – преграда. Да такой замок школьник шпилькой откроет!

Единственная проблема – не уронить эти пять кило металла себе на ногу. А то до конца жизни хромоть придется.

Но кладовки ей были совершенно не нужны.

А вот библиотека...

Аля отлично понимала значение образования. И знала – без понимания местного письма и счета кто угодно обведет ее вокруг пальца. А это непозволительная роскошь. Поэтому найдя библиотеку, она вздохнула с облегчением. Но ненадолго.

Открыв одну из книг, она чуть не завизжала от ужаса.

Вторую.

Третью.

Они же все рукописные!!!

И все – на пергаменте!!! Вот все, блин!!!

Аля мысленно записала в свою программу бумагу и печатный станок, пусть даже самый примитивный. С наборными литерами и медленной скоростью. Ничего. Сойдет. И принялась обшаривать библиотеку, проглядывая все книги, попадающиеся под руку. Сначала на одной полке, потом выше, потом еще выше – насколько достанет. Стопка пергамента порадовала. Гусиное перо с чернильницей огорчили. Надо будет найти кузнеца. Обязательно.

А еще неожиданно порадовало открытие. Не Америки, но...

Она могла читать на местном языке. Не идеально, нет. На уровне второго класса начальной школы. А то и первого. Но могла. Это главное.

Очередная книжка порадовала названием в три строчки:

«Подробное землеописание, а также житие, обычаи и нравы народов мира, составленное скромным дворянином Калериусом из Ативерны».

Отлично. Главное, чтобы это не оказалось приключениями Гулливера местного разлива. А то будет прикол... но вроде как что-то у Лилиан в мозгу было?

Учиться толстушка не любила, разве что вышивать золотом и гладью, но уроки ей все равно давали. В любом случае

Аля хозяйственно прибрала книжку в сторону. Почитаем, посмотрим, подумаем... И положила в нее несколько листов пергамента. Много брать не решилась, чтобы не заметили.

Девушка еще покопалась на той же полке. Но везение закончилось на землеописании. Ладно. Нельзя же ждать от жизни слишком многого. Хотя бы можно узнать то, что не расскажет служанка. Попробовать читать и писать. Освоить местную систему счета. Какая-то база в этом мозгу есть, осталось стырить и принести...

Что самое печальное, Аля даже не могла сильно осуждать «своего» супруга. Разум Лилиан Иртон был достаточно убогим.

Ни чтения, ни письма, ни разговоров... молитвы – да. Те она могла оттарабанить по-любому. Хоть ночью распахай. И все.

Зато сто двадцать кило живого веса!!!

Ну и кто из мужчин такое выдержит?

Как говорится, если все мужики козлы, срочно смотришься в зеркало, вдруг там отражается коза?!

Можно полюбить и стопятидесятикилограммовую красотку. Можно! Но красотка должна быть личностью! Яркой, живой, умной, чтобы через полчаса все забыли про фигуру и наслаждались общением. А вот если есть только попа... ну тут хоть разорвись. Толку не будет.

А с другой стороны, из Золушки можно сделать принцес-

су. И средство тут – любовь. И самая страшная крокодилица начнет меняться.

А вот если поступить с ней, как с Лилиан Иртон...

Руки женщины сжались в кулачки.

Да будь ты хоть трижды граф!

А по морде я тебе при встрече настучу. Еще до развода. Вот!

А пока – за дело!!!

Писать Аля решила угольками. Камин у нее в комнате топили так, что быка можно было зажарить. Найти пару угольков поудобнее – и вперед. Чем завязываться с перьями, которые постоянно надо очинивать, заменять...

На фиг! Пометка. Не забыть изобрести карандаш.

Так Аля прожила две недели.

Книга оказалась просто сокровищем. Неведомый товарищ подробно описывал существующие в этом мире страны. И рассказывал о народах, которые их населяют.

Врал наверняка, где мог. Но хоть география – и за то спасибо!

По уровню жизни здесь царило натуральное средневековье. Даже порох еще не изобрели. Аля его состав, конечно, помнила. Чего там думать? Сера, уголь, селитра! Она и нитроглицерин могла приготовить, но решила не заморачиваться с этой прелестью. Чем позже люди цивилизуются, тем лучше для планеты. Факт.

Как говорил один из ее любимых писателей, техническое

развитие не должно опережать морально-этическое. Иначе такой армагеддец наступит, что Бога сметет и чертям хвосты поотрывает.

Стекло стоило столько, что никому еще не пришла в голову мысль делать из него зеркала. Да и качество у него было не очень. А приличных стеклорезов и вообще пока не водилось.

Аля мечтательно улыбнулась. Есть же и такой прогресс, который не приведет к войнам. И вещи, которые люди не приспособят для убийства. Ей надо будет очень тщательно отбирать то новое, что она может принести в этот мир. Хотя может она очень и очень немного. Медицина...

Главное, что она знает и умеет, это медицина.

До хирургов ее уровня тут не дорастут еще лет пятьсот. Или тысячу пятьсот.

Воевали здесь по старинке – с баллистами, катапультами, луками и арбалетами. Раненых бывало много. И умирали многие. От ран, которые на Земле могли даже и не заметить. Полежать недельку в госпитале – и забыть навеки.

Это не радовало. Но то, что врач всегда найдет себе место, успокаивало. Даже если в графьях кормить не будут, благодарные пациенты помереть не дадут.

Промышленность здесь тоже находилась почти на нуле. Почти натуральное хозяйство. По морям плавали парусные корабли, по земле ездили исключительно на лошадях. Имелись, конечно, кареты и телеги. Но, по мнению Али, они жут-

ко походили на гробы. Только побольше и на колесах. Такое слово, как «рессоры», здесь не знали.

Хотя не Але было спорить. Она-то про рессоры знала только, что они есть. А вот в какой части телеги они должны размещаться и как выглядеть...

Не учат в мединституте таким вещам. Не учат.

Одним словом, все обеспечивали себя почти самостоятельно. Это Але решительно нравилось. Ни заводов, ни фабрик... И в то же время...

Были свои минусы и здесь.

Грамотных людей практически не имелось. И Аля твердо знала, она вплотную займется вопросом создания школ на своей земле. Хотя бы четырехлеток. Хотя бы только для обучения счету и письму. И только зимой. Летом-то в крестьянской семье каждые руки на учете. Мелочь – и та вся при работе. А зимой можно.

А в остальном...

Барщина. Что есть, то есть. Господские поля и крестьянские. И каждая семья два дня в десятинку обязана отработать на господском поле.

Отдельная каста – домашние слуги. Их здесь, в этом доме, восемь штук.

Ее личная нянюшка и служанка – Марта. Судя по обмолвкам и оговоркам, Марта с ней с самого рождения. И любит Алю, как родную дочь. А за это ей многое можно простить. Именно из ее разговоров почерпнуто все то, что Аля знает

об этом мире.

Три горничные, они же служанки, они же уборщицы. Мэри, Сара и Илона. Девчонки крутятся по дому целый день. Только чистоты от этого не прибавляется. Печально, но факт. Домашняя прислуга – Жан, Питер и Алекс. Отдельно, не входя в домашнюю прислугу, – три конюха. Жак, кстати, родной брат Жана, Клаус и Рене.

Кого она еще забыла?

Есть (была) еще кухарка. Тара. Она – жена управляющего. Готовит, кстати, из рук вон плохо.

Сам управляющий. Этор. Не маловато ли для такой громады?

Явно маловато. Но порядок она еще наведет. Чуть позднее.

А пока читаем и еще раз читаем.

Карту товарищ приложить не удосужился. Но Аля и так кое-что поняла. На материке (одна штука, естественно, земля-то плоская) существует восемь государств.

Ативерна. Кстати, где она живет. Родина, елки!!!

Уэльстер и Ивернея – два ближайших соседа.

Авестер граничит с Ивернеей. Эльвана – соседка Уэльстера и Авестера. Эльфы там не живут, не стоит обольщаться. Просто такое название. Почему? А может, основателю королевства яблочко на голову упало? Теперь-то не спросишь!

Дарком – сосед Авестера и Эльваны. Неподалеку от Ативерны существует островное государство Вирма. Аля так по-

няла, что это аналог страны викингов в ее мире. А климат, кстати, меняется очень интересно. На Вирме он хуже всего. Ативерна тоже не слишком отстаёт. Холодная четырехмесячная зима, не слишком жаркое лето, не особо плодородная почва...

Уэльстер и Ивернея чуть получше, но не намного. В Эльване и Авестере значительно теплее. Почему – сложный вопрос. И заканчивается континент, действительно большой, Варийскими пустынями. Там тоже процветает государство, Варийский Ханганат.

Своего рода кочевники. А что им еще делать? В пустыне земледелием не позанимаешься.

Восьмое государство было отделено горами, и туда товарищ дворянин не добрался. Просто упоминал, что Эльвана с запада ограждена неприступными горами и говорят, что за ними тоже люди живут, но врут много... сам грешен.

Также упоминался здоровенный остров Лорис где-то в районе Ханганата, но где и как? Пустота... Эх, где вы, спутниковые технологии...

Освоив книгу по географии, Аля опять навестила библиотеку и выбрала себе церковную литературу. Зачем?

Да узнать, во что тут верят. А здоровущий том, переплетенный в красный бархат, с красивым названием «Книга Сияющего» оказалась аналогом Библии. И не слишком плохим.

Аля долго чесала затылок, но потом решила, что человеческая глупость во всех мирах одинакова.

Если человек не может поверить в то, что его судьба в его руках, он выдумывает себе доброго небесного папочку, который то дает конфетку, то дает а-та-та по попе.

Оно и понятно, кто ж добровольно признается, что сам дурак? Проще – Господь наказал, грехи мои тяжкие. Красиво звучит!

Сказки, кстати, оказались редкостно похожи на ветхозаветные. Такой же карающий светлый бог, такой же его антагонист: светлого бога звали Альдонай, его вечного оппонента – Мальдоная, и ради разнообразия это было существо женского рода. Оно и понятно.

Где бы чего ни говорили – все равно. Все зло от баб!

Поэтому место женщины тут было... между лошадьёю и коровой. Хорошо хоть к животному не приравниали.

Отдельно стояли аристократки.

Вроде как и имущество, но способное распоряжаться своими землями и людьми. Это Алю очень сильно порадовало.

Но в этом мире у женщины было четыре вида деятельности. Максимум – пять.

Дочь, жена, мать, вдова и шлюха.

Все. Больше ничего не предусматривалось.

Никаких «свободных и независимых», никакого феминизма, никакой самодостаточности. Не нравится? Да ты, я вижу, ведьма?! И посохом поперек хребтины. До полного перелома. Не посоха.

Ведьмы здесь тоже явно были. Но не в почете. Аля нашла

в книге пару историй, как с ними боролись. Считались они служанками Мальдонаи, и отношение к ним было почему-то невежливое. На костер там или притопить.

Особенно повеселила одна история о том, как женщину человеком признали.

Достала одного праведника жена, ну тот к богу. Мол, товарищ Альдонай, стерва, гадина, дура... короче, сущая тварь. А мы ее человеком считаем. Нельзя ли ее... того-с? Признать животным типа крысы?

Подумал товарищ Альдонай и ответствовал: мол, терпи, сын мой. Ежели сейчас я ее крысой признаю, так ведь ты скотоложцем будешь. А заодно и все остальные мужчины. И рождаться вы тогда будете от скотины. И прелюбодействовать с любым домашним скотом... и настанет на земле безлепие и непорядок...

Пророк впечатлился и заткнулся. Женщина осталась человеком. Аля только пальцем у виска покрутила. Психбольные^[8].

Но – ладно. Зато теперь Аля была подкована в религии, знала, как креститься – кстати, здесь этого не делали, здесь очерчивали круг перед лицом посолонь и касались сначала губ, а потом лба. Вполне осознанно повторила и затвердила молитвы. Почитала несколько житий святых, такие тоже нашлись в библиотеке.

---

⁸ То же самое имело место в Ватикане в Средние века, когда конклав на полном серьезе решал вопрос: женщина – это человек или животное?

Лучшее оружие в споре – знание. Аля прекрасно осознала, что не усидит на одном месте. Что будет внедрять что-то новое, да просто для своего удобства. Что ее поведение резко отличается от поведения местных женщин, поэтому лучше подстраховаться.

Тебе: «Дитя мое, так не делают. Ты, часом, не ведьма?»

А ты в ответ: «Товарищ пастор, а вот святая Марильда наложением рук лечила. Святая Евграсия путешествовала. А святая Ридалина вообще в публичном доме проповедовала. Так что не надо ля-ля, это на меня натурально святой дух ка-ак снизошел... не верите? Сейчас и на вас снизойдет. Я только что потяжелее найду, и вы мигом узрите ангелов с крылышками!»

К тому же жития святых порадовали Алю кое-чем другим.

Они были написаны на свитках. Пергаментных. Серьезных таких.

Двусторонних.

Самое милое дело, чтобы очистить их и начать записывать, что сама знаешь.

Аля отлично понимала, что быстро она тут практиковать не начнет. А знания выветриваются. Это подтвердит каждый студент.

Так что... как только начнет наводить порядок в своем доме... пока она не решалась начинать писать. Но свитки себе уже присмотрела и пометила.

Лучше фармакология, чем житие святой Ридалины. Иди-

оток много везде, а до холинолитиков, холино- и адреноблокаторов тут если и дойдут, то очень не скоро.

А мышцы?

Нервы?

Скелет человека, между прочим, выученный до последней паршивой косточки!!!

Да на одну анатомию столько бумаги надо!!!

Аля вздохнула.

Да, человек знает очень много. И в то же время очень мало.

Она сейчас может навскидку вспомнить, а то и переписать кучу классических романов. От «Тараса Бульбы» до «Идиота». Но при этом получить обычную бумагу для нее непосильная задача. А хотелось бы. Можно даже серенькую, туалетную, а то лопушки – они все-таки... не соответствуют высоким аристократическим запросам.

Хорошо хоть профессия такая, с ней не пропадешь. Врач – это вам не юрист с экономистом, которых в последнее время развелось... или хуже того – менеджер по продажам всего и всем. Очень нужные профессии! Особенно там, где половина народа читать не умеет... да что половина! Девяносто процентов подписываются крестиком, споры решаются с помощью чего потяжелее или поострее, а понятие «двоичная бухгалтерия» понимают в том смысле, что управляющий ворует.

Кстати – а ведь точно ворует, гад.

Ночами Аля продолжала изучать замок.

Во двор она не выходила по практическим соображениям. Вдруг там какой-нибудь барбос бегаёт? Нет уж, обойдемся. Жир сбросить надо, но это уж слишком радикальное решение. Позволить выкусить из себя кусок? Ага, щаз-з-з!

И понимала – воруют.

Слишком уж все было старое и ветхое. Да, Лиле не было никакого дела до большей части дома. К ней никто не ездил, а больше шести комнат женщине обжить не удалось. Но судя по словам верной Марты, по кое-каким признакам, по своим воспоминаниям...

Ладно. С ворами Аля разобраться могла.

Еще одной проблемой стала еда.

Простите, хотелось не есть. Не кушать.

Жрать!!!

Стокилограммовая (ну там побольше, но, может, после болезни похудеть удалось?) тушка требовала прежнего режима питания. А питание было... хотелось ругаться и шипеть.

Аля невольно вспоминала Ивана Васильевича.

Почки заячьи верченые, головы щучьи с чесночком и прочий скромный стол. Пока она болела, ее кормили куриным бульоном и красным вином. И то неплохо. И еще что-то вроде гренок. А вот стоило Але начать вставать...

В первый же день на завтрак у нее на столе оказалось здоровушее блюдо, в котором она насчитала не меньше десят-

ка яиц. Сваренных вкрутую, очищенных, размятых и залитых чем-то вроде вина. Два вида каш. Что-то вроде овсянки с грибами и пшеничная каша с ягодами. Кусок ветчины весом так на полкило. Такой же кусок сыра. Каравай горячего пшеничного хлеба. Масло, мед, варенье в розетках, напоминавших больше тарелки. В каждой помещалось грамм по триста продукта.

Запивать все это предлагалось пивом, вином или сидром.

Желудок радостно взвыл.

Следом за ним взвыла Аля.

– Это что?!

– Госпожа, завтрак...

Я же столько не сожру... или сожру? Нет, раньше Але хватило бы этого на неделю. Да еще бы и подруг угостила. Но сейчас...

Она морщила нос, глядя на яйца в вине, а желудок распевал боевые песни зажранца.

Ее мутило от одного вида несоленого овечьего сыра, а руки сами тянулись запустить в него ложку и слопать полкуска.

От напитков сводило зубы, а пальцы, обретя свою волю, сжимали кувшин с вином.

Так, вот еще алкоголизма не хватало.

Аля решительно отставила все, кроме тарелок с кашами.

– Марта, на завтрак мне подавать только каши. И больше ничего.

– Лилюшка, ты ж изголодаешься...

– Няня, это не подлежит обсуждению.

В голосе Али лязгнул металл. И Марта неожиданно для себя кивнула. Если ее девочка просит... да и добавку всегда можно принести с кухни...

Так же Аля расправилась с обедом и ужином.

Из двенадцати обеденных блюд остались только два. Суп и какое-нибудь мясо. Не жирное. Не жареное.

С ужином пришлось поступить крайне жестоко. Распорядиться, чтобы подавали только рагу из овощей. И овощи во всех видах. Никакого мяса, сыра, хлеба... вообще ничего такого! Вино из рациона убрать к чертовой матери. Сидр? Оставить.

Пока я вас компот варить не научу и кастрюли мыть перед готовкой. Лучше уж пить то, что естественно убивает микробов, чем загнуться от аппендицита или дизентерии. Аля сильно подозревала, что здесь такое не вылечат. Окончательно она в этом убедилась через пару недель, когда вынужденное затворничество сильно надоело, но выйти на люди мешал какой-то иррациональный страх.

Аля все понимала.

Ругалась. Обзывала себя тряпкой и соплей.

Не помогало ничего.

Ей казалось, что стоит выйти на люди, и в ней тут же распознают иномирянку, заорут «держи ведьму!!!» или что-нибудь еще, такое же неприятное. И она тянула, сколько могла, отговариваясь от самой себя привычным «я же изучаю этот

мир! По книгам, ага!»

Реальность вторглась жестко.

Марта осторожно поскреблась в дверь, скользнула в комнату и доложила:

– Лилюшка, прибыл докторус Крейби.

Аля даже и не подумала встать с кровати.

– И что?

– Но как же! Он же не может тебя вот так осматривать!

Тебе надо одеться...

Аля даже не шевельнулась. Во-первых, было неохота, во-вторых, у нее под одеялом как раз лежала поспешно спрятанная книга. И выбраться, не засветив свой «источник знаний», было невозможно.

– Нянюшка, пока я была без сознания, он меня одетой осматривал?

– Нет, Лилюшка...

– Вот и пусть приходит. Все, что можно, он уже видел. Я жду.

Марта вышла из комнаты, не решаясь возразить, а Аля поспешно перепрятала книгу под кровать. Судя по количеству пыли, туда уже лет двадцать не заглядывали и еще столько же не заглянут. Так что тайник был в полной безопасности.

Было немного страшно. Все же доктор... чему-то он учился? И полным дураком он быть не может.

Это не Марта, которая так рада здоровой «девочке», что на странности ее поведения внимания не обращает.

Страшновато.

Аля привычно подтянула чуть повыше поросячье-розовое одеяло и поежилась.

А, ладно!

Семи смертям не бывать, одной не миновать.

И дверь распахнулась. Даже не постучался, свин.

Докторус Крейби порадовал душу Али-Лилиан зрелищем обтягивающих коричневых штанов в сочетании с морковного цвета туникой. Довершали это великолепие сапоги до колена из кожи нежно-голубого цвета (грязные до безобразия), здоровенная сумка через плечо и короткая накидка поверх туники. Тоже коричневого цвета.

Аля сделала вывод, что это и есть традиционный мужской костюм. И перевела взгляд на волосы доктора. Тоже длинные, стянутые сзади оранжевой лентой и обильно засыпанные чем-то вроде пудры. Да так, что ее следы оставались и на плечах мужчины. Мода-с...

– Добрый день, госпожа графиня, – поздоровался докторус.

– Добрый день, – кивнула Аля.

Руку для поцелуя не протянула. Перетопчется. И вообще ему придется на кровать лезть, чтобы дотянуться, а в сапогах это неудобно.

– Как вы себя чувствуете?

Алю так и подмывало сказать «не дождетесь». Но пришлось ограничиться кратким:

– Хорошо.

– Нет ли болей? Кровотечения? Резей или жжения? Не возвращалась ли лихорадка?

– Нет. Не возвращалась.

Аля была краткой и спокойной. Сейчас – ее первый экзамен. Если доктор заметит что-либо неладное...

Но Крейби (имя это или фамилия?!) расплылся в улыбке.

– Я очень рад! Я знал, что ваше тело справится с болезнью. Надо было только, как говорил мой учитель, выпустить дурную кровь и дать промывательное и прочистительное. И все будет замечательно. Я всегда знал, что мой учитель удивительно умен.

У Али словно пелена с глаз упала. Внезапно под пудрой и напускной важностью она увидела обычного мальчишку лет двадцати – двадцати пяти. Такого же раздолбая, как и ее сокурсники. Но в отличие от них...

– Учитель тебе говорил, что женщине с выкидышем надо пускать кровь, давать рвотное и ставить клизмы? – тихо спросила она. Пока тихо, опасаясь сорваться.

Увы. Аля никогда не отличалась выдержкой. А добила ее самодовольная улыбка на губах этого безмозглого щенка.

– Но вы ведь живы! Все я правильно сделал. Если...

Пуф!

Одна из подушек врезалась ему в лицо и упала на пол. Следом за ней пролетела вторая, но эта, ударившись о преграду, лопнула. и осыпала докторуса дождем из перьев.

– Еще раз увижу – прикажу собак спустить! Пошел вон, болван! – рывкнула Аля, забывая к чертовой матери и про осторожность, и про конспирацию, и про первый опыт. К черту!

Урод!

Придурок жизни, осколок унитаза!

Ур-р-р-рою!

Но когда влетела Марта, Аля была уже более-менее спокойна.

– Это – убрать, – указала она на докторуса в перьях. – И больше ко мне не пускать.

Марта не стала охать, ахать и что-либо восклицать. Она просто вытащила докторуса из комнаты, а еще через десять минут появились две хихикающие девицы, которые начали собирать перья.

Аля одарила их людоедской улыбочкой.

И на волне дурного настроения принялась раздавать задания. Вымыть окно. Снять все занавески и балдахин и постирать. Убрать пыль под кроватью и шкафами.

Ее приказания выполнялись безупречно. Аля какое-то время просто глядела на девушек. А потом решила, что пришло время вставать и выходить из подполья. Пора.

Тем более что нянюшка не нашла в ее поведении ничего удивительного. Да и девицы слушались.

Но поскольку после визита доктора началось дикое сердцебиение, время было к пяти часам вечера (по солнцу, ис-

ключительно по солнцу...) и вообще важные дела начинать лучше с нового дня (не считая понедельника), Аля решила начать все завтра.

Вернуть сегодня на место книгу, обдумать, что надо сделать, – и приступить.

Наступить кое-кому на вольности...

Анна Уэльстерская подошла к зеркалу, поправила волосы, разгладила складки платья на груди...

– Анелюшка, погоди минутку...

Старая камеристка заколола ей выбившийся из прически локон и подтолкнула к двери.

– Батюшка ждать не будет.

Анна поежилась, но медлить не стала.

Отца она боялась и ненавидела. И было отчего.

Гардвейг Двенадцатый.

Его величество король Уэльстера.

Правил Гардвейг уже лет двадцать, отличался вспыльчивым характером, жестокостью и расчетливостью. Был женат семь раз и не собирался останавливаться на достигнутом. Вообще-то Светлый Престол не разрешал разводы, но ради Гардвейга им пришлось смириться. Еще бы.

Ты ему: «Сын мой, это против закона божьего», а он тебе: «Я король – а на земле это не меньше бога. У меня свои законы».

Ты ему: «Сластолюбцы служат Мальдонае», а он тебе:

«Хочешь лично удостовериться у Альдоная? Сейчас обеспечу палача».

Ты короля предаешь анафеме, а он тебе в ответ: «А я тебя сейчас казни предам».

В общем, Гардвейг победил по очкам. Ругать его ругали, но за границей. А в родном Уэльстере лишний раз старались не вякать, помня, что жалобы от покойников принимает лично Альдонай и в суд дела не передает.

Так что Гардвейг мог жениться, разводиться и даже казнить своих супруг сколько его душе угодно. Жалованье гвардии платил вовремя, солдаты за него стояли горой, а просто-народье даже гордилось – мол, какой у нас король мощный! Да и не все ли равно, что он там делает? Сеять и урожай убирать, оно важнее.

Мать Анны была его второй женой. Кстати, казненной. С первой женой Гардвейг развелся – старая. Вторую казнил за измену. Но Анну признал и услал на воспитание подальше от столицы. С третьей женой тоже развелся – одних девок рождает, так что у Анны были четыре сестры, которые воспитывались вместе с ней. Кстати, сестренки терпеть друг друга не могли.

Четвертая жена умерла в родах вместе с ребенком. Девочкой, так что Гардвейг не огорчился. Пятая, еще до того как забеременеть, попалась на измене и была казнена. Шестая два года пыталась подарить королю наследника, а потом бросилась Гардвейгу в ноги и стала умолять развестись. Мол,

сына она, видимо, дать не может, поэтому грехом будет и дальше оставлять короля без любви, а престол без наследника. И Гардвейг пошел ей навстречу. Тем более что ради разнообразия ходатайство к Светлому Престолу было от имени его жены. Там поворчали, но пожалели бедную женщину и развод подтвердили. Седьмая жена Гардвейга, впрочем, оправдала все, что пророчило счастливое число.

Милия Шельтская, тихая сероглазая баронесса с толстой каштановой косой, нежно любила своего тирана-мужа. Она окружала постаревшего (сорок лет не шутка) Гардвейга заботой, следила, чтобы он вовремя питался и не переедал, а кроме того, родила ему двух сыновей и опять ходила беременная. Так что Гардвейг наслаждался последним браком и ни о разводе, ни о казнях не думал. Вроде бы.

Хотя Анна точно знала: если отец узнает о ее шашнях с учителем, казнит. Не задумываясь. И Милия не поможет.

Мачеха, приехавшая с отцом, Анне вообще не слишком нравилась. Какая-то она была... насадка. Все время хлопотала вокруг мужа, поправляла подушки, подносила вино, пока король не приказал ей отдохнуть. Тогда ее увели. Но было видно – Гардвейг ею доволен.

А вот Анной...

Нелюбимая дочь от казненной жены...

Только бы в монастырь не упекли...

Анна поскреблась в дверь, дождалась окрика и скромно замерла на пороге.

Его величество изволил отдохнуть у камина. Бокал вина, блюдо с закусками, верный шут на ковре – Анна не помнила, когда рядом с отцом не было этого маленького человечка с удивительно умными ясными глазами и морщинистым лицом...

– Ваше величество. – Анна присела в реверансе.

– Ну заходи чего пол подметаешь...

Анна, повинувшись кивку отца, опустилась на скамеечку у его ног, почти рядом с шутом, и замерла, опустив глаза долу.

– Ну-ка в лицо мне смотри. – Жесткие пальцы вздернули ее за подбородок, и Анна подавила в себе желание зажмуриться. – А ничего так девка выросла, а, Харви?

– Грудаста больно...

– Сиськи мужикам нравятся.

– Сиськами парня не удержишь.

– Да как сказать. Рик пока мальчишка, может и повестись...

Рик?! Кто такой Рик?!

Мысли метались в голове Анны вспугнутыми птицами. И, видимо, Гардвейг заметил это, потому что пояснил:

– Ричард Ативернский. Едет с визитом и посольством. А на самом деле папаша собирается женить сынка, так что ты по возрасту подходишь. Внешне вроде как не страшна, на мать похожа... Алия такая же была, темненькая.

Сам Гардвейг отличался густой гривой золотых волос и ледяными серыми глазами. Анна же была темноволоса и

темноглаза, как мать, которую она знала только по портретам.

– Лишь бы не дура была. Ни с кем еще не спуталась? – Голос шута был спокойным и... изучающим.

Анна вспыхнула. Но сквозь растерянность прошло холодное: «уничтожат...», и с губ само собой сорвалось:

– Да кому я нужна без копейки приданого! Платья – и те по шесть раз перешиваем.

– Дура, – сверкнул глазами Гардвейг. – Ты что думаешь, твое приданое – это тряпки с монетками? Сопля!

Анна шарахнулась назад, упала со скамеечки на попу и некрасиво раскорячилась, но Гардвейг продолжал греметь набатом:

– Ты – принцесса! Может быть, будущая королева! Твое приданое – это не юбки, а связи! Земли! Союзы! А юбками и побрякушками ты награждать будешь, если понравишься Рику. Ативерна богата, а мне нужен Эдоард в союзниках. А потом и Рик. Так что если выйдешь за него замуж – не обижу. Дам в приданое провинцию Бальи.

Анна кое-как оправилась юбки и села под насмешливым взглядом шута. И спросила уже другим тоном:

– Ваше величество, я должна его очаровать?

– Да. Потом он еще поедет в Ивернею. Но это – потом. Ты будешь первой и должна стать для него единственной.

Анна кивнула. А перед глазами проносились видения баблов, бриллианто, кавалеров – и тонкой короны на ее голове.

Короны принцессы. Будущей королевы.

Черт!

Зачем она только спуталась с Лонсом?!

Гардвейг несколько минут смотрел на нее. А потом кивнул:

– Иди, прочухайся. А завтра поговоришь с Милией. Пусть она тебе платья какие пошьет, чтобы сверкала. Я ей скажу. Свободна.

Анна кое-как сделала реверанс, раскланялась и вышла вон.

Она не знала, что королевский шут покачал головой:

– Ох, не знаю, Гард. Жадная она. И дура.

– Вся в мать.

– Может, кого еще предложить?

– Не получится. Старшей двенадцать лет, сам знаешь. Этой хоть шестнадцать скоро будет. А те вообще. А Эду надо сопляка женить в ближайшие год-два.

– М-да. А в Ивернее Лидия.

– Та шерстяной носок. Восемнадцать лет девке, а она ни о чем, кроме книг, не думает. Перестарок.

– Милии за двадцать было, нет?

– Так Милия и вдовой была... повезло мне с ней.

Шут только кивнул. Жену Гардвейга он не уважал. Не за что. Но ценил. Видел, как она любит короля, как старается окружить его заботой... курица-наседка, да. Но для пожилого короля – не худший вариант.

Не злая, не гадина, не интриганка, власть ей не нужна, только гнездо и дети. Ну и сыновей она, конечно, родила. Что хорошо. Гард ведь вообще с ума сходил без мальчишек...

– Ладно. Если ты думаешь, что эта соплячка – то, что надо, я с ней еще поговорю. Разрешешь?

– Когда я тебе что запрещал?

Мало кто знал, что шут был молочным братом короля. Что двое мужчин дружили с детства. И что неистовый, капризный, вздорный и злобный Гардвейг на этой земле любил только своего брата. И брат всеми силами старался оправдать его доверие.

А шутовство?

Почему бы и нет?

Чем-то же заниматься надо в свободное от интриг время?

Анна, пританцовывая, возвращалась к себе.

Принцесса!

Принцесса!!!

А может стать королевой, надо только правильно повести игру!

Она красива. Умна. И образование получила – Лонс позаботился... гримаска скривила пухлые губки.

Мальдоная!

Ну почему она не подождала еще пару лет?

Но хотелось всего и сразу.

Денег! Танцев! Любви! Жизни!!!

Танцев и денег не досталось, Лонс и сам беден как церковная крыса, а вот любви... Анна едва не облизнулась, вспоминая про руки Лонса, его губы, его тело, и вдруг в растерянности остановилась.

А ведь она уже замужем...

Вот это проблема. И серьезная. Но что же делать, что делать...

Ясно было только одно – отцу признаваться нельзя.

Джес Иртон, между прочим, настоящий граф, красавец-мужчина и отличный боец, смотрел на ревущего в три ручья ребенка. И совершенно не знал, что делать.

– Маленькая моя, ну не надо... котик, солнышко...

Ребенок ревел вдохновенно.

– Миранда Кэтрин Иртон, прекратите немедленно водоразлив!

Не помогало. Разве что в хлюпаньях носом прорезалось:

– Уезжаешь, бросаешь и покидаешь...

Джес только взъерошил волосы.

Дочку он любил до безумия. Пятилетняя малышка это отлично понимала и вила из отца веревки.

Но сейчас выбора просто не было. Взять с собой малышку он не мог. Предстояли дела, заботы, балы, турниры, интриги... как тут потащишь за собой ребенка, если даже не знаешь, где будешь жить? После предложения поехать к Лилиан Миранда впала в настоящую истерику. Стала биться, зады-

хаться... Джес даже испугался. И капитулировал.

– Малыш, ты поедешь в Иртон и поживешь там зиму. А весной я за тобой приеду. Хорошо?

О том, что пока только конец лета, он благоразумно умолчал. Но дочка все равно разревелась. И ее пришлось долго и упорно успокаивать.

И заодно сочинять в уме длинное письмо к Лилиан.

Да, истеричка. Дура. Но не гадина же! И не обидит малышку.

Главное, ее предупредить и напугать. Хорошенько напугать...

И успокоить ребенка...

Когда часов в двенадцать следующего дня пришла Марта, Аля стояла посреди комнаты и старательно приседала. Получалось плохо. Сделано не было и десятка приседаний, а пот лил ручьями. И колени подозрительно ныли.

– Что это ты делаешь, Лилюшка? – ахнула няня.

Аля одарила ее веселой улыбкой.

– Нянюшка, милая, распорядись насчет ванны. И поищи мне какое-нибудь платье. Пора вставать с кровати. Пора!

– Лилюшка, а докторус...

– Пусть держится от меня подальше. Целее будет. Нянюшка, я же здесь с ума сойду. И вообще, я и так слишком долго занималась только собой. Так что там насчет ванны?

Марта покачала головой, но спорить не стала. И молча вы-

шла.

К ее возвращению Аля успела сделать: двадцать приседаний, двадцать наклонов, сорок прыжков на месте, тридцать упражнений на пресс. Это таких, где ты лежишь на спине и пытаешься приподняться к согнутым коленям.

Получалось не просто плохо.

Омерзительно.

Раньше для Али это было мелочью. Тьфу – и забыть. Раньше, в своем мире, она бы и не почесалась. Зато сейчас...

Ощущение было такое, словно она весь день вагоны с цементом разгружала.

Ну да ладно. Три дня эти упражнения именно в таком количестве будут выполняться три раза в день. А лучше – пять. А через три дня количество подходов увеличится. И будет не по двадцать приседаний, а уже по тридцать. И так далее, и в том же духе. А что будет тяжело...

А кому сейчас легко?!

Одним словом, ванну принимала весьма решительно настроенная особа. И она же, отодвинув портьеру (розовую, естественно, в золотых розах, блин!) прошла за няней в гардероб, который раньше как-то не осваивала. Зачем? В ночнушке удобнее, да и за привидение себя выдать можно, если что. Где и сказала одно-единственное слово:

– Крестец!

Этим емким словечком студенты-медики заменяли матерщину. А что, крестец ничем не хуже, чем похожее по зву-

чанию. Разве что на одну букву больше. А так... Если кто не знает, где у человека крестец, может в анатомическом атласе посмотреть.

Поймет, почему студенты его полюбили.

У Али просто не нашлось других слов. Комната, размером не меньше спальни, была сплошь завешана платьями. Роскошными. Отлично сшитыми. Шикарными.

Шелк. Парча. Кружево. Атлас. Бархат.

И все, абсолютно все, розовое с золотом.

И как тут не материться?

Аля повертелась и ткнула пальцем в самое простое на вид платье. С минимумом оборок. И поклялась про себя найти хоть кого-то, кто спорит с платьев все это сусальное золото с бантами. Можно и самой, но это сколько ж трудиться?! Озвереешь!

Шить, вязать, вышивать крестиком и даже шить бисером Аля умела. И очень неплохо. Но кто сказал, что она это любила? И вообще, не затем она в другой мир попала, чтобы тут белошвейкой заделаться. Вот!

Самое простое платье отличалось скромным, почти без выреза, кроем, тремя рядами золотых оборок по подолу и неожиданно простеньким материалом. Простой крашеный лен.

Все было бы хорошо, но под него нужны были еще и три нижние юбки (Лилюшка, да разве ж без них можно?! Пастор проклянет и блудницей заклеямит!), панталоны на завязках

с разрезом на самом интересном месте, нижняя сорочка с кучей грубоватых кружев, которые выглядывают в вырез, и нательная рубашка из чего-то вроде батиста.

А еще что-то вроде толстенных шерстяных чулок. Но от них Аля решительно отказалась. И влезла в розовые туфли из мягкой кожи. Хорошо хоть обувь приличная. Туфли типа чешек завязываются лентами на лодыжках. А к чешкам девушка привыкла. Когда в свое время пыталась танцами заниматься... года два.

Одним словом, через два часа Аля была готова к выходу. И ощущала себя розовой капустой. Брюссельской. Гадость!

А кто бы ее спрашивал?

Комната отворила двери – и выпустила девушку в коридор. Темный и пыльный. А в конце коридора начиналась лестница.

Одним словом, Аля решила начать с того же, с чего начала ее мать при переезде на новое место. А именно – с генеральной уборки. И в процессе этого пересчитать, запомнить и построить всех, кто тут живет. Если она – хозяйка дома (на время отсутствия мужа), она и будет тут хозяйничать!

А знания – знания приложатся.

Дверь кухни Аля распахнула с грохотом. И нежно улыбнулась сидящим за столом слугам. Четыре женщины и семь мужчин прекрасно проводили время. Попивали вино из больших стаканов, пересмеивались, болтали о всякой ерунде... Трех она уже видела, когда они корыто тащили. И го-

рячую воду. А остальных – нет.

Но занимались они явно чем-то не тем. Аля отлично знала, сколько приходится прилагать хлопот, чтобы содержать в порядке двухкомнатную квартиру. А тут такая махина, и все сидят? А один нахал вообще лапает служанку за коленку? Интересно, тут слугам декретный оплачивают? Или как?

Аля вдохнула и рывкнула командирским тоном, припомнив прапорщика Свириденко, который способен был построить любое количество курсантов:

– Что, бездельники, разгильдяи, ротозеи, не ждали?! А зря!

Она, словно сканером, проходила глазами по лицам слуг. Вот самая толстая и старая. Наверное, кухарка. А этот типус, роскошнее всех одетый, то есть единственный не в розовом, а в чем-то синем, наверное, управляющий. Девчонки, по лицам видно, служанки. Та, ухваченная за коленку, аж вся покраснела. Еще немного, и чепчик вспыхнет. Вот эта троица, которые все в соломе и шикарно воняют навозом, точно конюхи. А эти – домашние слуги.

Жаль, она не знает, кого как зовут. Но разве это мешает разносу? Вот и прапорщик Свириденко начинал знакомство с салагами с разноса. Хоть ни одного парня в лицо не знал. Что ж не попользоваться полезным опытом?

– Распустились тут, пока я болела? Значит, так. Я встала на ноги. И увиденное меня не порадовало. Всюду грязь. Пыль. Паутина. Скоро ткать и продавать будем. Конюхи!

Встать!

Рявк получился настолько командирским, что трое парней вскочили на ноги раньше, чем осознали, что Аля вообще-то женщина. И в это печальное средневековое время место ее где-то за плинтусом.

– Вам, бездельники, сегодня повезло! У вас есть еще один день! И завтра конюшни должны сиять и сверкать. Навоз выгрести, паутину вымести, лошадей вычистить. Завтра приду – проверю. И упаси вас бог не послушаться. Языком каждой лошади ж...у вылижете!!! Шагом марш убираться! Брысь!

Вообще-то язык чесался скомандовать: «Равняйся, смир-р-р-рна!!!», но Аля кое-как сдержалась. И обратила свой взгляд на кухарку.

– Так, дорогуша. Мне твоя кухня определенно не нравится. По тем же причинам. Кастрюли не мыты, столы не выскоблены, слуги сидят, вино на работе попивают, да еще и развратом тут занимаются. Ты, голубь сизокрылый, ладошку-то блудливую убери, пока я ее тебе не оборвала вместе с головой.

Слуга (позднее Аля узнала, что это был Жан, а служанка – Мэри, дама на редкость облегченного поведения) покраснел и ладошку отдернул. Аля наградила его ядовитой ухмылкой.

– Девочка, – подчеркнуто ласково обратилась она к служанке. – На тебе и нашей дорогой кухарке сегодня кухня. Я даю вам время до вечера и вечером проверю, сколько вы сделали. Чтоб вся посуда блестела. Печи вычистить. Этим

займешься ты. – Она ткнула пальцем в другого слугу. – И на тебе каминьки по всему дому. Чтобы были чистые, как совесть нашего управляющего.

Судя по тому, как дернулся управляющий, совесть там была решительно нечиста. Но его Аля оставила на закуску. И еще раз пристально поглядела на кухарку.

– Я. Не. Позволю. Разводить. Бардак. В. Своем. Доме.

Вышло как раз то, что надо. Увесисто и конкретно.

– Еще раз такое увижу, выгоню, – и перевела взгляд на полы. – Солому вымести. Плиты вычистить до блеска. Сегодня все обходятся без обеда. Одним ужином. На ужин сварить кашу с мясом. В большом количестве. Обойдемся без перемен блюд и разносолов. Теперь вы двое. Берете свое оружие – ведра и тряпки – и идете со мной. Будете мыть комнаты. И начнете с моей. Еще раз вымоете все, что не домыли вчера. Я видела, кто из вас ленился! Мужчины... один, вот ты, идешь с нами. А ты приставлен к колодцу. Таскаешь воду, сколько и кому потребуется. Греть ее будете на кухне, в самом большом котле.

– Дрова, – вякнула кухарка.

– Сама и принесешь, – припечатала Аля. – Невелика ноша. А не сделаешь – готовься убраться отсюда завтра же.

– Госпожа, – подал голосок управляющий. До сих пор он сидел тихо, но, когда задела его жену, душа поэта не выдержала. – Ваш супруг на время отсутствия...

Аля развернулась к нему. С ее размерами выглядело это

весьма внушительно.

– Я разрешала меня перебивать?

Голос прошуршал, как змеиный хвост по листьям. Щас как цапну, команда медиков с литром противозмеиной сыворотки не откачает!!!

– Вы, господин управляющий, мне еще дадите подробные объяснения, как поместье дошло до жизни такой. Я, видимо, слишком много вам позволила. А мой супруг не может вас постоянно контролировать. Поэтому идите-ка сейчас в кабинет и приготовьте мне все отчеты за последний год. Что куплено, что продано, сколько чего поступило и откуда. Вечером я жду вас в кабинете графа. Вопросы есть?

Управляющий судорожно сглотнул, но промолчал. И правильно. Вздумай он вякнуть хоть слово поперек, Аля бы точно его чем-нибудь навернула. Не из вредности. Из принципа.

Она здесь главная. И ее слово – закон. А любой, кто будет против или станет вслух сомневаться, получит по рогам. Мгновенно.

Так что управляющий правильно промолчал.

Есть, есть у воров какой-то инстинкт самосохранения.

А Аля задумалась над серьезной проблемой.

Она ведь многого не знает. Цен на товары. Зарплата слугам. Да вообще почти ничего. И Марта тут не подмога. Она добрая, уютная... но она всю жизнь при Лилиан. Не прислуга. Член семьи. Своей – и то не завела. Поэтому...

– Нянюшка, милая, а есть у нас в деревне те, кто... как бы

сказать... не обязательно из крестьян?

Марта потеряла лоб и сообщила, что вот, хорошая женщина, вдова Эмма Матти. Вдова бывшего управляющего. Вроде как городская, жизнь повидала...

И Аля хищно потеряла ладошки.

Это было то, что нужно.

Если женщина была женой управляющего, душой она быть не может. Или может? Судить об этом рано. Для начала надо бы с ней поговорить.

– Нянюшка, а как бы ее сюда пригласить?

Марта подумала и предложила съездить в деревню.

Аля тоже подумала. И решила – не переломится.

– Нянюшка, уборка прекрасно пойдет и без нас. А мы с тобой пока съездим в деревню. К этой самой вдове Матти. Ага?

– Да, Лилюшка, да как же... – привычно заохала Марта.

Аля оборвала ее одним движением поднятой вверх ладони.

– Надо. Едем.

– Тогда я прикажу заложить карету?

Марта вышла. А Аля еще раз обвела взглядом слуг. Построить их по всем правилам еще раз?

Обязательно!

– Если кто наивно думает, что я вернусь и все забуду и можно разгильдяйствовать, пока меня нет, – срочно предупредите. Выгоню без выходного пособия. – И поняв, что упо-

требляет слишком сложные слова, добавила: – На конюшне запорю! Убью лентяев!!! Ясно?!

Рык вышел истинно командирский. Прапорщик Свириденко рыдал бы горячими слезами умиления. А Аля ухмылялась про себя.

Я вас тут научу сапоги чистить с вечера и утром надевать на свежую голову... раздолбаи...

Самое главное, что никто, вообще никто не нашел ничего странного в ее поведении.

Аля улыбалась. И вспоминала маму, которая была мудрой женщиной. В том числе часто говорила так: «Дорогу закрывают стереотипы».

Аля сначала не понимала. А потом спросила. Она как сейчас вспоминала тот разговор.

Они на кухне, пекут вкуснящий торт-муравейник и болтают ни о чем. Аля режет тесто, а мама запихивает противень в духовку.

– Мам, а почему ты так относишься к тете Кате?

Катерина Петровна – соседка. Мама всегда рада ее видеть, но почему-то у Али остается впечатление, что с тетей Катей разговаривают, как и с ней самой. Как с ребенком.

– Потому что она зашоренная.

Мама запихивает противень и проверяет сгущенку. Банка варится.

– Катя хороший человек, но она не видит того, что выхо-

дит за пределы ее жизненного опыта.

– Это как?

– Вот так. Она привыкла к миру вокруг. Если ты девочка, то в юбке. Если мальчик, то военный. Если генерал, то всегда прав.

– А разве не так?

– Алечка, Аленький мой, запомни. Если ты говоришь, так должно быть, – ты перекрываешь себе все остальные варианты. Вот смотри. Идет по улице мужчина в юбке. Что ты подумаешь?

– Что он дурак.

– Вот. А он может быть шотландцем. Может сбежать от любовницы. Может, у него украли все штаны, и он был вынужден ее надеть. Или он актер и бежит на спектакль... понимаешь?

– Да. Я назвала один вариант.

– А их миллионы. У тети Кати он тоже только один. Не уподобляйся ей, хорошо?

– Постараюсь.

А вечером мама приносит книгу про Шерлока Холмса. И Аля буквально проглатывает ее от корки до корки. Но почему-то ей хочется стать не сыщиком, нет. А доктором.

А мама добивает:

– Хороший врач должен предусмотреть ВСЕ варианты. Вообще все. А не только самый вероятный. И не быть зашоренным.

Аля запоминает это. Накрепко.

– Госпожа?

И Аля обнаруживает, что стоит на чертовой средневековой кухне и улыбается. А служанки почему-то не шустрят с уборкой.

Марта трогает ее за локоть...

Девушка еще раз рявкает в том смысле, что заставит всех языком пол вылизывать, и выходит. К крыльцу.

Там уже стоит поросячье-розовая карета. С золотом, козе понятно. Что она из себя представляет?

Да четырехугольник. Правильный. Квадрат на колесах. Про рессоры умолчим, чтобы враги не узнали. Окна задернуты занавесками и затянуты чем-то вроде пергамента. Ну да. Стекол почти нет, кто ж их на карету переводить будет?

Четыре лошади выглядят настолько усталыми, что Але их от души жалко. Лошадей она любила. И сейчас профессионально могла осмотреть каждую.

Что и сделала.

Упс!

Как интересно.

– Почему лошадь до сих пор не подковали?

Две лошади оказываются без одной подковы каждая, у третьей язва на шее, четвертая дышит с хрипом и явно простужена.

Конюх, он же кучер, что-то мямлит про неудачи в жизни и

плохие погодные условия. Аля меряет его железным взглядом.

– Где ближайший кузнец?

Выясняется, что ближайший кузнец есть в деревне. Ибо на кой сдался он в замке. Шум, гам, железяки разные...

Что ж.

Заодно надо бы и травок прикупить – на припарки и отвары.

Интересно, есть здесь знахарки в округе?

Аля вздыхает и пытается залезть в экипаж.

И тут ее настигает первый подвох.

Ступеньки не предусмотрены, а сама она ногу задрать не может. Не та пока еще растяжка. Колеса-то здоровые, ей до бедра. На помощь приходит Марта, подставляя скамеечку. И Аля утрамбовывает тушку в карету, едва не оставляя на дверце платье.

Нет, надо худеть...

Марта хочет сесть рядом с кучером. Но Аля решительно машет ей рукой – мол, в карету.

Служанка повинуется и не решается сесть на грязно-розовое, с золотом, бархатное сиденье.

Аля усаживает ее силой:

– Нянюшка, прекрати.

– Да мне не пристало...

– Ближе тебя у меня человека нет. И тебе не пристало?

Глупости!

Марта бормочет что-то про честь, которую она не заслужила, но Аля обнимает няньку и целует ее в щеку.

– Нянюшка, ты мне ближе матери родной...

Слезы умиления. Занавес.

Аля впервые выехала из родимого замка. И посмотрела на него снаружи. М-да.

Ну вот если только на халяву. А лучше бы с приплатой этот кошмар вернуть продавцу!

Других слов не было. Снаружи Иртон-кастл выглядел еще хуже, чем изнутри. Камни торчали жалко, раствор явно выкрашивался, от замковой стены остались ошметки, ров... мост, кажется, даже не поднимался.

Это как?

А война? Набег? Налет? Залет?

Короче, защищаться – как?!

Или тут все срочно дали клятву не убивать?

Верилось плохо. Армии тут нет. Телефонов тоже. Службу 911 еще не изобрели. Спасать некому. А самой... значит – самой. И задача получалась двойной. Отмыть изнутри. Укрепить снаружи.

Как?

Не знаю. Главное – начать. Вяжемся в заварушку – и по обстоятельствам, по обстоятельствам!

Аля улыбнулась про себя, не желая наружать душевный мир Марты.

Она вспомнила, как мама рассказывала эту историю. Аля была еще ребенком, лет пяти-шести, мама шла домой вечером с работы. Отец ее встретить не успевал. Напал на хрупкую женщину хулиган, ну она его немножечко и... покриковала. Муж чему-то ж научил. Пара вывихов, несколько ушибов... главное – ввязаться в заварушку, а там по обстоятельствам. И маленькая дочь, услышав этот рассказ, наивно и громко спросила:

– Мама, а ты ему все обстоятельства отбила?

Она еще долго не понимала, почему в тот вечер так смеялись взрослые.

Что ж, главное – по обстоятельствам.

Карета не порадовала. Рессоры действительно были еще не изобретены. И Аля прочувствовала каждый ухаб дороги. Хотя... это назвать дорогой не мог даже потомственный россиянин.

Известно, что в России дорог нет. Есть направления.

В Иртоне вместо дорог и направлений были две колеи.

И только.

Они могли быть глубже или, наоборот, менее глубокими. Но и все.

Пришлось Але высунуться из окна кареты и пообещать себе изобрести бричку. Каталась она в такой один раз. Та же карета, но со срезанным верхом, если кто не знает. Вот как быть с рессорами...

Аля плохо представляла себе их устройство. Но – ладно. Будет день, будет бричка. А пока она любовалась округой.

Имелись поля. Имелись луга. Имелся лес. Но самое приятное – имелась речка!

Иртон-кастл стоял, по рассказам Марты, где-то в километре от реки. Широкой и вполне рыболовной. И Аля уже настроилась на соление, копчение и вяление рыбы. А сколько всего можно из нее сделать!

Да того же карася, если правильно приготовить, королю на стол подать не стыдно!

До деревни трюхали (другого слова Аля подобрать и не могла) добрых три часа. За это время девушка вспомнила все, что она знала о земледелии.

Трехполье. Но надо было еще разобраться, какая здесь земля. Какие есть инструменты для ее обработки. Вообще, что такое натуральное хозяйство? Тоже проблема.

И что она может ему дать?

Аля не была белоручкой. Как ребенок военнотруженика, она всласть помоталась по гарнизонам. И везде, где ее мать оказывалась, она старалась развести свой огород. Зачем? Вот любила Татьяна Викторовна натуральные продукты. А когда началась перестройка, и вообще уверилась в своей мудрости. И соответственно воспитывала своего ребенка. Так что лунные календари садоводов вовсе не были для Али китайской грамотой. Только вот где их тут взять? Тут, может, и луна другая. И злаки.

По кулинарным рецептам из тех, что не требуют особенных затрат, по заготовкам на зиму разных овощей и фруктов, по изготовлению и очистке разных видов спиртного Аля вообще могла целую книгу написать. А что касается маминых настоек на различных травах и ягодах... да ими и генералы не брезговали!

А что еще она знает, кроме кулинарии?

Химию. Очень неплохо. И прикладную в том числе. В мединститут как раз ее и сдают. Не будешь знать – не пройдешь. Органика, неорганика, общая химия, да Аля спокойно могла по памяти таблицу Менделеева нарисовать. Пусть не идеально точную, но все же...

Но вот как все это выглядит в природе и чем сера отличается от старого птичьего помета – уже вопрос, геологии и медицинском не преподавали. А образцы в химкабинете... М-да.

Ладно. Этому свое время.

По домашней живности она особенно ничего не знала. Хотя умела неплохо ездить верхом, доить корову, а пару раз даже доила коз и стригла овец. Но вопросами их содержания как-то не заморачивалась. Зачем? Отправила ее мама на лето в деревню – поможем по хозяйству. А изучать всю эту сельхозиндустрию – извините. Медицина интереснее.

Вот!

Медицина – это ее главный козырь. Аля мечтала стать медиком с раннего детства. И запоем читала все, что ей под-

совывала мать. В том числе и книги по лечению народными средствами. А почему бы и нет? Интересно же! Особенно когда медикаменты стали некачественными и фактически не гостовскими. Татьяна Викторовна тогда очень разозлилась на родное государство. Лекарств нет. А люди-то болеют. А она фельдшер. И как хочешь, так и лечи.

Ну и буду лечить! Всем, что под рукой найдется.

Например, малина – отличное жаропонижающее. Кофе поднимает давление. Особенно если он натуральный. Сок алоэ прекрасно подсушивает слизистую носа и снимает воспаление в горле. Кто не пробовал – попробуйте закапать при простуде. Сразу соплей меньше станет. И никаких «назолов» не надо! А что самое приятное, слизистая не пересыхает. И последствий никаких. А от кашля замечательно помогают шалфей и исландский мох. И это еще далеко не все рецепты.

Она отлично могла приготовить сироп от кашля, домашние горчичники, да вообще кучу разных полезных вещей. И Аля тоже. Для нее не было игры интереснее, чем ходить с матерью в медпункт, сидеть рядом, как взрослая, смотреть за приемом пациентов или читать толстые книги по медицине и спрашивать: «а как это?», «а для чего?», «а зачем?».

Им с мамой никогда не надоедала такая игра.

Фармакология в институте просто углубила и расширила знания девушки. Хорошо так. Качественно. Но и народные рецепты Аля не забывала. И приезжая домой, ходила вместе с матерью в лес за корой, травой и плодами. И с удовольстви-

ем работала на семейном огороде. Почему бы нет?

Аля трезво оценивала себя. Она неплохой хирург. И не самый худший фармацевт. Одна из лучших на курсе. Причем не за счет оценок, а за счет знаний и золотых рук... Руки!!!

О, черт!

У медика должен быть дар. Талант. А если его нет?

Пусть душа в этом теле поменялась, но что, если оно будет совершенно бесчувственным? Кто-то может подобрать раз услышанную мелодию, кто-то лишен слуха. Кто-то из медсестер делает укол быстрее и легче, чем комар кусает, а от чьих-то «легких ручек» людям попу со шкаф разносит. В том мире у Али были просто золотые пальцы. Не дай бог, если эти руки окажутся слишком тяжелыми!

Вот где страх-то.

Итак. Медицина. Определенные познания в сельском хозяйстве. Что еще?

В своем родном теле Аля была прекрасной спортсменкой. Хорошо стреляла. Водила все, что движется. В этом мире ей не могло пригодиться ни то ни другое. Стрельбе из лука она как-то не обучалась. А водить здесь можно было только гужевой транспорт. То есть опять в минус.

В плюс могли пойти две вещи. Первая – Аля, как и все дети, обожала в свое время игру в ножички. И метала их вполне прилично. Да и вообще ножом владела очень даже на уровне. Хирург как-никак. Самая страшная профессия, каждый день нож поднимать на живых людей.

Вторая – ее тренировки. Но опять-таки. Школа армейского рукопашного боя – страшная штука, если все отработано, поставлено, и тело натренировано надлежащим образом. А если нет?!

Какие тут навыки боя с этой... диванной подушкой!

Аля готова была шипеть от злости. Но выбора не было. И она в очередной раз пообещала себе увеличить нагрузки. Уже сегодня. Но отлично понимала, что пока это невозможно. Новое тело надо было приводить в форму постепенно. Иначе получишь кучу болячек.

Марта привычно бубнила. Аля прислушивалась.

Хорошо было уже то, что Иртон считался местным захолустьем. До ближайшего города тут было дней двадцать пути. До столицы – больше пятидесяти. Это внушало надежду на весьма редкие визиты дражайшего супруга. И чем реже, тем лучше. Никакой любви и жалости Аля к этому типу заранее не испытывала и с удовольствием устроила бы ему несчастный случай. Из разряда «сичу я, это, чищу картошку фамильным кынджалом, а тут мой муж рядом споткнулся пятнадцать раз...» И вообще. Как можно относиться к мерзавцу, который женился на несчастной толстушке по расчету и засунул ее в глухомань, единственное достоинство которой, что она фамильная, а так – ноль!

Мало того, этот тип-осеменитель здесь и появлялся-то три раза в год. Проводил с супругой три ночи, те, в которые было наиболее вероятно зачатие, и удирал обратно в столицу. Ну

не козел?

Хотя... дитя своего времени.

Если кто не знает, у каждого трубадура была прекрасная дама – одна штука. И баб штук с тысячу. А понятие «верность» они вообще знали только в теории. Как и рыцари.

Что там еще про Иртон?

Аля навострила уши. Карты она в библиотеке не нашла. А знать, где живешь, хотелось.

Иртон был захолустьем. Большая и не особо судоходная река Ирта служила северной границей с баронством Донтер. С юга и востока располагались скалы и болота. С запада – сосновый лес и море. На редкость неудобное. И не слишком судоходное. Рифы, мели... То еще фамильное гнездо.

Как тут жить, было совершенно не ясно. Почему не использовалось море – тоже. Могли бы хоть пару рыбацких поселков на берегу устроить.

Одним словом, Аля пока слишком мало знала. А действовать надо было. Хоть как-то.

Нужен бизнес-план. Может, и зря она не экономист? А то ведь может сидеть на золоте, но не подозревать, как его использовать.

Ладно. Разберемся.

Важно другое. Она может делать в своих владениях, что пожелает. Главное – не слишком зарываться. И никто ее не остановит. Потому что она – жена графа Иртон. То есть его продолжение. Собственные мысли бабам здесь не полагают-

ся, так что ее воля – это его воля. И никто в этом не усомнится. Только надо знать меру.

А этому ее хорошо учили. Для медиков чувство меры – главное. Иначе угробишь пациента.

М-да. Надо будет дома взять лист бумаги, выписать все, что она знает, подвести итоги и составить программу на ближайшее время. Обязательно.

С этими мыслями она и подъехала к деревне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.